

УИНСТОН ЧЕРЧИЛЬ

Дмитрий
Медведев

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Жизнь замечательных людей (Молодая гвардия)

Дмитрий Медведев

Уинстон Черчилль

«ВЕБКНИГА»

2022

Медведев Д. Л.

Уинстон Черчилль / Д. Л. Медведев — «ВЕБКНИГА»,
2022 — (Жизнь замечательных людей (Молодая гвардия))

ISBN 978-5-235-04658-0

Неординарные достижения и противоречивый характер Черчилля привлекали, привлекают и будут привлекать внимание. В его биографии каждый ищет для себя что-то свое: одних интересует ответ на вопрос, как смогла появиться и состояться такая выдающаяся личность, другие хотят найти в его деятельности секреты успеха, третьи ищут подтверждений своему восхищению или ненависти, а кто-то просто испытывает восторг от изучения волнующих событий его жизни. Всех их — и поклонников, и хулителей — объединяет то, что при соприкосновении с Черчиллем не бывает скучно. Его жизнь захватывает стремительностью, величием, глубиной и непредсказуемостью.

ISBN 978-5-235-04658-0

© Медведев Д. Л., 2022

© ВЕБКНИГА, 2022

Содержание

Дмитрий Медведев	5
Глава первая	6
Взросление и становление	6
Первый успех	16
Искатель приключений	24
По стопам отца	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Дмитрий Медведев Уинстон Черчилль

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© Медведев Д. Л., 2022

© Издательство АО «Молодая гвардия», художественное оформление, 2022

Моей матери посвящается

Я думаю, сэр Уинстон прожил жизнь интереснее многих из нас. Он сыграл немало ролей на жизненной сцене, и сыграл их смело, с неподдельным увлечением. Он мало что упустил в жизни, и жизнь была к нему благосклонна. Он хорошо жил и хорошо играл – ставя на карту самые крупные ставки и всегда выигрывая. Ему нравилась власть, но он никогда не делал из нее фетиша.

Чарли Чаплин

Глава первая

Восходящая звезда

1874–1911

Взросление и становление

В 1905 году в свет вышла первая биография Уинстона Леонарда Спенсера Черчилля, написанная Александром Маккалумом Скоттом (1874–1928). С тех пор количество книг о британском государственном деятеле превысило отметку тысяча. Особенно выделяется так называемая официальная биография (вошла в «Книгу рекордов Гиннеса»), на создание которой ушло шесть десятилетий и которая состоит из 8 основных и 23 томов документов общим объемом 15 млн слов или 41 тыс. страниц. Сам Черчилль также внес существенную лепту в формирование своего образа. Утверждая в одной из статей – «слова единственное, что остается навеки»¹, он оставил потомкам колоссальное литературное наследие в 20 млн слов, из которых тексты одних только публичных выступлений (примерно 3 тысячи) занимают 6 млн слов.

Неординарная и противоречивая личность Черчилля привлекала, привлекает и будет привлекать внимание. В его биографии каждый ищет для себя что-то свое: одних интересует ответ на вопрос, как в эпоху социальных преобразований с выходом на сцену масс смогла появиться и состояться такая выдающаяся персоналия, другие хотят найти в его деятельности секреты успеха, третьи ищут подтверждений своему восхищению или ненависти, а кто-то просто испытывает восторг от изучения волнующих событий его жизни. Всех их – и поклонников, и хулителей – объединяет то, что при соприкосновении с Черчиллем не бывает скучно. Его жизнь захватывает стремительностью, величием, глубиной и непредсказуемостью. Причем с самого начала – с рождения.

Черчилль появился на свет в понедельник в половине второго ночи 30 ноября 1874 года в принадлежащем герцогу Мальборо Бленхеймском дворце (Вудсток, графство Оксфордшир). Его рождение застало всех врасплох. Лондонский акушер Уильям Хоуп (1837–1893), который должен был принимать роды, не смог приехать из-за нерегулярного движения поездов в воскресное время, поэтому его в срочном порядке заменил местный хирург Фредерик Тейлор (1831–1909). Родители не успели подготовить новорожденному приданое, поэтому свой жизненный путь будущий премьер-министр начал в рубашонке, которую позаимствовали у жены местного адвоката, также находившейся в положении и разрешившейся от бремени в январе следующего года. Мать нашего героя леди Рандольф Черчилль, урожденная Джени Джером (1854–1921), ожидала появления первенца несколько позже, планируя 29-го числа повеселиться на балу. Однако в середине праздника у нее начались схватки. Роженицу попытались отвести в спальню, но боли сделались настолько сильными, что ее пришлось разместить в первой попавшейся комнате. В свое время в этом помещении проживал капеллан первого хозяина Бленхейма, а накануне бала оно было приспособлено под дамскую гардеробную, где среди мехов, муфт, горжеток и шляп и совершилось достопамятное событие.

Примечательными были не только неожиданность, спешка и риск, которые и дальше будут сопровождать Черчилля, но и само место, где он родился. Планировалось, что он появится на свет в Лондоне, поэтому в это время активно шел ремонт в особняке на Чарльз-стрит, куда должны были переехать его родители. Но вместо этого Черчилль родился в Блен-

---

¹ Wolff M. (ed.). The Collected Essays of Sir Winston Churchill. Vol. IV. P. 438.

хейме – единственном английском замке, который, не являясь собственностью Церкви и Короны, именуется дворцом². «В наших владениях нет ничего равного ему», – с гордостью признавал король Георг II (1683–1760). Это грандиозное сооружение в стиле барокко из 320 помещений, с собственной капеллой и огромной библиотекой длиной 560 метров было построено в 1705–1724 годах по проекту архитектора Джона Ванбру (1664–1726), работавшего в паре с ассистентом Николасом Хоксмуром (1661–1736). Свое название дворец получил в честь победы Джона Черчилля 1-го герцога Мальборо (1650–1722) 13 августа 1704 года при швабской деревушке Гохштедт, коммуна Блиндхайм – в отечественной традиции Бленхейм. Черчилль, который писал, что «дворец строг в своей симметричности и завершенности», любил Бленхейм, где для него всегда были зарезервированы комнаты. Именно в Бленхейме он проведет первую брачную ночь. Именно в Бленхейме он будет активно работать над своими лучшими историческими произведениями, два из которых будут посвящены личностям, также связанным с этим дворцом. Именно в Бленхейме он примет «два самых важных решения своей жизни»: родиться и жениться. По словам Черчилля, ему «повезло в обоих случаях»³.

Мальборо, Бленхейм, сообщение о рождении в известной газете *The Times* и менее известном *Oxford Journal* – не простой антураж. Все эти символы недвусмысленно говорили о том, что новорожденный является частью бомонда. Черчилли ведут свою родословную с XI века, когда их далекий предок Вандриль де Лион лорд де Курсиль осенью 1066 года вступил на землю Туманного Альбиона в составе войск герцога Вильгельма Нормандского (1027/1028–1087) и принял участие в судьбоносном сражении при Гастингсе. Впоследствии фамилия де Курсиль (*de Courcil*) была изменена сначала на де Чирчилль (*de Chirchil*), а по прошествии еще некоторого времени – на Черчилль (*Churchill*). Самым известным представителем рода станет князь Миндельхейм в Священной Римской империи, генерал-капитан Джон Черчилль 1-й герцог Мальборо, не проигравший ни одного сражения и захвативший все крепости, которые когда-либо осаждал.

Похоронив при жизни двоих сыновей, полководец не оставил после себя прямых наследников мужского пола, поэтому фамилия Черчилль могла исчезнуть из исторической летописи. Все его владения и титул перешли старшей дочери Генриетте (1681–1733). Все отпрыски последней умерли бездетными, и после ее кончины титул перешел к ее племяннику, сыну ее младшей сестры Энн (1683–1716) – Чарльзу Спенсеру 5-му графу Сандерлендскому и 7-му барону Спенсеру (1706–1758). Известная фамилия сохранилась лишь благодаря решению короля Георга III (1738–1820), который в 1817 году с «целью увековечить имя» 1-го герцога Мальборо разрешил «использовать фамилию Черчилль вместе и после фамилии Спенсер». Отныне потомки «герцога Джона» стали именоваться Спенсерами-Черчиллями, а их герб объединил геральдические символы двух семейств: грифона⁴ Спенсеров и льва Черчиллей. Спенсеры не уступали Черчиллям в своей известности и древности. Первые упоминания о них также приходятся на времена Вильгельма Завоевателя. Считается, что фамилия Спенсер происходит от старофранцузского *despensier* и означает «камердинер, распорядитель». Именно эту должность Роберт Деспенсер занимал при герцоге Нормандском. В 1519 году Спенсеры были возведены в рыцарское достоинство и с тех пор неоднократно вписывали свое имя в британскую историю. Чего стоит только Диана принцесса Уэльская (1961–1997) – яркий представитель знаменитого рода⁵.

² В 1987 году Бленхеймский дворец стал памятником Всемирного наследия ЮНЕСКО. – *Здесь и далее примечания автора.*

³ См.: *Мартин Р.* Леди Рандольф Черчилль. С. 56; *Manchester W.* The Last Lion. Vol. I. P. 94; *Churchill W. S.* Lord Randolph Churchill. Vol. I. P. 1; *Smalley G. W.* Anglo-American Memories. P. 96; *Cowles V.* Winston Churchill. P. 287.

⁴ Мифологическое существо с туловищем льва, с головой, когтями и крыльями орла.

⁵ См.: *Daniels J.* Churchill's Spencer Ancestry of Skeletons in the Cupboard // *Finest Hour*. № 68. P. 16, 14; *Churchill R. S.* Winston S. Churchill. Vol. I. P. 13; *Мартин Р.* Указ. соч. С. 58.

Среди Черчиллей на фоне склонных к мотовству предков выделялся дед нашего героя Джон Уинстон 7-й герцог Мальборо (1822–1883), который посвятил себя «службе обществу», занимая посты в разных кабинетах министров, а также являясь членом Тайного совета. Еще больше добился его младший сын лорд Рандольф (1849–1895) – отец Уинстона. Пройдя обучение в Итоне и закончив Оксфорд, он в возрасте 25 лет был избран в Палату общин. Правда, это достижение объяснялось не столько личными качествами начинающего политика, сколько влиянием и финансовой поддержкой отца. Не случайно победа в избирательной гонке произошла в «карманном» округе Мальборо – Вудстоке.

Лорд Рандольф был эксцентричной, эгоистичной, амбициозной, в меру агрессивной и не в меру остроумной натурой, неуютно чувствовавшей себя на месте заднескамеечника. Вместе с единомышленниками он основал «Четвертую партию», доставляя немало беспокойства как главе оппозиции, так и лидеру тори. При этом он был популярен среди народа и журналистов. В 1885 году его назначили государственным секретарем по делам Индии (министром по делам Индии)⁶, а буквально через год он взлетел еще выше, став канцлером Казначейства (министром финансов) и лидером Палаты общин. Те качества, что возвели его наверх, привели спустя всего пять с половиной месяцев к падению. Поддавшись эмоциям и уверовав в собственную несокрушимость, он вступил в противоборство из-за военных статей расходов с главой правительства и государственным секретарем по военным делам (военным министром). В качестве рычага влияния он использовал угрозу отставки, которая, к его глубокому удивлению, была принята. На этом карьера лорда Рандольфа закончилась. Когда премьер-министра спросили, возможно ли возвращение парии в большую политику, он безапелляционно ответил: «А вы когда-нибудь видели, чтобы человек, избавившись от карбункула, хотел его вернуть обратно»⁷. Больше никаких постов лорд Рандольф не занимал. И хотя он продолжал до конца жизни оставаться членом парламента, его выступления со временем потеряли былую остроту и популярность. Несмотря на постигшие зазнавшегося политика неудачи, личность Черчилля-старшего оказала существенное влияние на Уинстона. Он хотел быть во многом похожим на своего отца, выбрав в качестве области приложения своих талантов политику, а в качестве средств достижения успеха стиль своего кумира – активность, неконформизм и ораторское мастерство.

Не меньшее влияние, чем отец, на будущего политика оказала его мать. Хотя Дженни была родом из Нью-Йорка, свое воспитание она получила в Париже, который нехотя покинула и переехала в Англию из-за Франко-прусской войны 1870–1871 годов. Забавно, но отложенным и непрогнозируемым последствием этого военного конфликта, которому поспособствовал один из видных архитекторов Второго рейха Отто фон Бисмарк (1815–1898), стали переезд Джеромов и появление на свет в Британии человека, который многое сделает для крушения Второго и Третьего рейхов. Дженни была любимицей отца – Леонарда Джерома (1817–1891), который был личностью неординарной. Причем не только благодаря своему происхождению – его бабка по отцовской линии была родственницей первого президента США Джорджа Вашингтона (1732–1799), – но и образу жизни. Он успел послужить консулом в Триесте, побывать совладельцем *New York Times* и «Тихоокеанской почтовой паровой компании», а также несколько раз переплыть Атлантику на небольших яхтах. Когда он умирал, последними его словами, обращенными к дочерям и внукам, стали: «Я отдал вам все, что имел. Передайте

⁶ Британское правительство или Правительство Ее (Его) Величества состоит из департаментов. К департаментам также относятся Казначейство и Совет Адмиралтейства (ликвидирован в 1964 году с передачей функций Государственному департаменту обороны). Департаменты возглавляют государственные секретари, которые имеют ранг старших министров. Уровнем ниже находятся так называемые государственные министры, которые отвечают за отдельные направления деятельности департамента. В отечественной традиции всех членов правительства принято называть министрами. Во избежание путаницы при первом упоминании должности она приводится полностью с указанием в скобках привычного для русскоязычного читателя названия.

⁷ Documents. Vol. 13. P. 1546.

дальше»⁸. Словно эстафету, Дженни передаст Уинстону оптимизм, энергию и жизнелюбие своего отца, его настойчивость и упрямство, любовь к авантюрам и риску, а также храбрость, стойкость и готовность бороться за свои убеждения. Кстати, если свое первое имя наш герой получил в честь отца «герцога Джона» – сэра Уинстона Черчилля (1620–1688) и деда по отцовской линии, то второе имя – в честь Леонарда Джерома.

Принадлежность к высшему обществу не гарантировала успеха, хотя во многом ему способствовала. Не имея за спиной солидного перечня именитых и древних предков, Черчиллю пришлось бы гораздо сложнее пробираться наверх. Не означало наличие самобытных и пользующихся успехом у высшего света родителей счастливого детства у их отпрысков. Во многом прохладная отстраненность по отношению к собственным чадам диктовалась нормами викторианского общества. Но немаловажную роль сыграл и личностный фактор. Ведь тот же коллега лорда Рандольфа Джозеф Чемберлен (1836–1914) находил время, несмотря на все свои дела, заниматься с сыновьями. В отличие от него Черчилль-старший воспитанием Уинстона себя не утруждал. Он редко навещал его в школе (например, в Хэрроу появился только один раз), а в общении посредством эпистолярного жанра в основном упрекал сына за небрежность, расточительность, зазнайство и безалаберность. «Я уверен, – негодовал он, – если тебе не помешать вести жизнь праздную и бессмысленную, ты превратишься в обычного светского бездельника: одного из тех сотен незадачливых выпускников привилегированных школ, которыми кишит высший свет. Если это произойдет, то винить в своих бедах тебе придется только себя». Подобное отношение могло породить в душе ребенка отчуждение и ненависть к своему родителю. Но произошло все с точностью до наоборот. Черчилль преклонялся перед своим отцом. Он боготворил его в детстве, считая, что «у него были ключи от всего (или почти от всего), что стоит внимания», и всегда с пиететом относился к нему в зрелые годы. В этом отношении очень показателен фантастический рассказ «Сон», написанный им в конце 1940-х. В этом произведении умудренному опытом и увенчанному лаврами политику является дух его отца, и он с благоговением описывает, что произошло за последние полвека, не обмолвившись ни словом о собственных достижениях. «Я бы очень хотел, чтобы мой отец прожил достаточно долго и смог бы увидеть все, чего я добился в жизни», – признается он однажды младшей дочери. Но этого не произойдет, а желание доказать отцу, что он ошибался относительно способностей своего сына, станет одним из мотивов амбициозного и целенаправленного поведения нашего героя⁹.

По-своему драматично сложились у Черчилля отношения с матерью. Современники восхищались ее красотой, сравнивая Дженни с пантерой и считая, что, если бы она «вся была, как ее лицо, – она могла бы править миром». С такими женщинами приятно общаться и вместе проводить время, но они не созданы для воспитания детей. Неудивительно, что описывая свои чувства к ней, Черчилль говорил: «Я нежно любил ее, но издали». Говоря же о своем восприятии матери, он называл ее «сказочной принцессой – лучезарным существом, всемогущей владычицей несметных богатств»¹⁰. Она проявляла больше теплоты в общении с Уинстоном, чем ее супруг, но навещала его также нечасто, предпочитая посвящать себя суете и красоте великосветской жизни. Влияние Дженни станет заметным, когда ее сын подрастет. Она будет выводить его в свет, познакомив с Розбери, Бальфуrom и Асквитом, каждый из которых станет премьер-министром; она будет помогать налаживать и развивать полезные связи, которые пригодятся при устройстве в различные военные кампании, издании книг, а также для начала политической деятельности; она будет поощрять самообразование, щедро снабжая книгами и советами.

⁸ Цит. по: *Martin P.* Указ. соч. С. 189.

⁹ См.: *Documents*. Vol. 1. P. 390–391; *Черчилль У. С.* Мои ранние годы. С. 51; *Gilbert M.* Winston S. Churchill. Vol. VIII. P. 364–372; *Hastings M.* *Finest Years*. P. 596.

¹⁰ См.: *Asquith M.* *An Autobiography*. Vol. I. P. 131; *Черчилль У. С.* Указ. соч. С. 12, 13.

Несмотря на черствые отношения родителей, сказать, что Черчилль был одинок в детские годы, нельзя. В этот период в его жизни был человек, который дарил утешение, заботу и нежность – няня миссис Элизабет Энн Эверест (1833–1895). Не в состоянии выговорить полностью слово «женщина» (*Woman*), он называл ее просто Вум (*Woom*) или Вумани (*Woomany*). По его словам, она была его «наперсницей», «везде следовала за мной и всячески меня баловала». Эта любовь была взаимной. Черчилль обожал свою няню, не стесняясь прогуливаться около школы с этой полноватой, скромно и старомодно одетой женщиной под смешки одноклассников, неизменно целуя ее в щечку на прощание. Впоследствии подтрунивающие над ним сверстники подрастут и поймут, насколько отважным нужно быть, чтобы вести себя подобным образом.

Судьба миссис Эверест сложится трагически. Когда родители перестанут нуждаться в ее услугах, беззащитную женщину сначала переведут ключницей в лондонский дом герцогини Мальборо, которая относилась к ней с неприязнью, называя «ужасной старухой», а потом и вовсе рассчитают. Черчилль был возмущен столь «жестоким и подлым» обращением, заявив, что миссис Эверест «больше чем кто-либо другой ассоциируется у меня с домом» и больше всех его любит. Он требовал «более справедливого и великодушного» обращения с пожилой женщиной, которую фактически выставили на улицу без средств к существованию после «почти двадцати лет преданной службы». Однако ему не удалось восстановить справедливость. Миссис Эверест же тем временем продолжит присылать подарки любимому Уинни, покупая их на свои скудные средства. Впоследствии портрет миссис Эверест будет неизменно висеть в кабинете Черчилля, а сам он оставит о ней следующие строки в одном из своих произведений: «Странная вещь – любовь этих женщин. Возможно, это единственная бескорыстная любовь на свете». Читая однажды «Автобиографию» историка Эдуарда Гиббона (1737–1794), его внимание привлекут рассуждения автора о старой нянюшке: «Если есть кто-то, а такие, я верю, есть, кому в радость, что я живу, благодарить они должны эту женщину». Черчилль перечитает эти слова несколько раз и скажет, подумав о миссис Эверест: «Пусть это будет ей эпитафией»¹¹.

В феврале 1880 года в семье произошло пополнение. Леди Рандольф родила второго сына – Джона Стрейнджа Спенсера Черчилля (ум. в 1947 г.). Джек, как все его звали, прожил тихую и незаметную жизнь в тени своего брата, с которым у него сложатся теплые и доверительные отношения. Примерно на это же время в жизни Уинстона приходится другое важное событие – начало образования, которое воплотилось в «зловещей фигуре гувернантки». Женщину звали мисс Хатчинсон. Она вспоминала о своем подопечном, как об «очень решительном мальчике». Когда ему в очередной раз не захотелось выполнять ее указания, он позвонил в колокольчик и потребовал от слуги проводить даму прочь, объяснив, что она «слишком строгая». Забавно, но мисс Хатчинсон также будет гувернанткой у другого известного политика – лидера Лейбористской партии, заместителя Черчилля в коалиционном правительстве, а также его преемника на посту премьер-министра Клемента Эттли (1883–1967)¹². Вот уж действительно женщина знала, как воспитывать из мальчиков премьер-министров!

В отличие от своих будущих коллег в правительстве, у Черчилля не было университетского образования, что, однако, не помешало ему стать одним из самых начитанных политиков своего времени. Формальное образование будущего премьер-министра началось в ноябре 1882 года. Оно ограничилось тремя школами и военным колледжем. Первая школа – Сент-Джордж в Аскоте, которая управлялась преподобным Гербертом Снейд-Киннерсли (1848–1886), предпочитавшим итонскую модель со ставкой на воспитание, – оставила у Уинстона самые неприятные воспоминания. И хотя он убеждал родителей, что «очень счастлив в школе» (будущие джентльмены не должны жаловаться), его учеба в Сент-Джордже стала одним

¹¹ См.: Черчилль У. С. Указ. соч. С. 13, 112; Documents. Vol. 1. P. 424–425; Churchill W. S. Savrola. P. 44.

¹² См.: Churchill W. S. My Early Life. P. 3; Attlee C. R. As It Happened. P. 3.

из самых тяжелых периодов в жизни. Постоянно подвергаясь бессмысленным и безжалостным поркам, он называл ее впоследствии «каторгой» и считал, что, если бы его оттуда не забрали – благодаря заботливой миссис Эверест – он просто сломался бы как личность. В 1893 году он вернется в Аскот, чтобы отомстить директору-садисту, но осуществить вендетту не удастся – преподобный скончается в ноябре 1886 года от сердечного приступа¹³.

Вторая школа, которую держали в Брайтоне две незамужние сестры Шарлотта (1843–1901) и Катерина Томсон (1845–1906), оставила более благожелательные воспоминания. В этой школе Уинстон учился с лета 1884-го по апрель 1888 года. Он увлекся плаванием и футболом. И если с первым видом спорта роман продлится всю жизнь, то отношения со вторым останутся на уровне кратковременного увлечения. В дальнейшем Черчилль будет отдавать предпочтение другой командной игре в мяч – поло. Относительно успехов в учебе молодой патриций подтянулся по многим дисциплинам, а по литературе и французскому языку смог даже занять в классе первое и третье места соответственно. Но в целом Черчиллю было далеко до пьедестала отличника. Основные предметы ему давались с трудом, что сказалось при поступлении в среднюю школу. Если бы не принадлежность известному роду и не заступничество отца, то из-за слабых ответов на экзамене в поступлении ему было бы отказано.

Обычно отпрыски одной фамилии учились в одной средней школе. Для Черчиллей таким учебным заведением на протяжении 140 лет был Итон. Но в случае с Уинстоном из-за его слабого здоровья предпочтение было отдано школе Хэрроу, ведущей свою историю с 1572 года и гордившейся именитыми выпускниками – Джоном Байроном (1788–1824), премьер-министрами Робертом Пилом (1788–1850) и Генри Пальмерстоном (1784–1865), не говоря уже о почти шестидесяти членах Палаты общин, которые также учились в ее стенах на момент поступления нашего героя.

Черчилль старался учиться, но получалось не слишком хорошо. Ему по-прежнему тяжело давались математика и мертвые языки – латинский и древнегреческий. Когда ему указали, что для премьер-министра Уильяма Гладстона (1809–1898) чтение Гомера в подлиннике было наилучшим видом отдыха, он саркастично ответил: «Так ему и надо». В дальнейшем Черчилль признает пользу изучения языков, замечая, что «чтение на иностранном языке расслабляет ум, оживляя его посредством знакомства с другими мыслями и идеями». Сам он отдавал предпочтение французскому языку, который был близок ему с детства. Им в совершенстве владела его мать, а сама Франция всегда оставалась для него самой любимой после Британии страной. В отличие от леди Рандольф Черчилль владел французским с изысками. Он мог бегло читать, но в отношении разговорной речи сталкивался с трудностями: ему не всегда было легко понять собеседника, а собеседники в свою очередь не всегда понимали его. Как шутил Шарль де Голль (1890–1970), он даже выучил английский язык, чтобы понять французский Черчилля¹⁴.

Если говорить об академических успехах Черчилля в целом, то преподаватели жаловались на его «забывчивость, невнимательность и непунктуальность». «Уинстон настолько организован в своей неорганизованности, что я и в самом деле не знаю, что с ним делать», – недоумевал его классный руководитель Генри Оливер Дэвидсон (1854–1914). Преподавательский состав поддерживала леди Рандольф, упрекая сына за «порывистый и непоследовательный» стиль учебы, а также заявляя, что «мы с отцом очень разочарованы». В ответ Черчилль, хотя и признавал свою леность, «невнимательность и забывчивость», жаловался на учителей, объясняя, что не может усваивать материал от тех, «кого я ненавижу и кто отвечает мне тем же». Он не стеснялся поправлять лекторов, если считал, что они неправы, а также дерзить им в ответ.

¹³ См.: Documents. Vol. 1. P. 82; Черчилль У. С. Указ. соч. С. 20; Moran C. Churchill. The Struggle for Survival. P. 152; Sebba A. American Jennie. P. 115; Churchill R. S. Op. cit. P. 56.

¹⁴ См.: Черчилль У. С. Указ. соч. С. 30; Churchill W. S. Painting as Pastime. P. 12; Lancaster J. R. Churchill's French // Finest Hour. № 138. P. 30.

Когда один из учителей отчитал его: «Черчилль, у меня есть очень серьезные основания быть недовольным вами», он тут же парировал: «У меня также, сэр, есть очень серьезные основания для недовольства вами». Потомок герцогов Мальборо был своенравным и строптивым учеником. Когда встал вопрос о продолжении занятий дома, он заявил, что «никогда не учился во время каникул и сейчас не собирается», поскольку это «противоречит моим принципам»¹⁵.

Поведение Черчилля – отдельная тема. Он постоянно опаздывал (со временем этот недуг станет хроническим), спорил и шлохничал. То его ловили за битьем стекол в школьной мастерской, то он мастерила бомбу из пивной бутылки, от взрыва которой сам же и пострадал – к счастью, отделался легкими ожогами и опаленными бровями. Когда учитель наказал его за кражу сахара из кладовки, он в отместку разорвал любимую соломенную шляпу обидчика. Очевидцы вспоминали о нем, как о «капризном, рыжеволосом бульдожке», о «замкнутом мальчике, который бродил сам по себе» с видом «гордым и недовольным». Он остался в памяти как непослушный ребенок, который «последовательно нарушал каждое правило» и учеба которого была «одной долгой враждой с администрацией». Несмотря на отсутствие популярности у сверстников, не самые высокие достижения в учебе, а также конфликты с преподавателями, Черчилль был уверен в себе и в своем предназначении. «Наша страна подвергнется страшному нападению, я возглавлю оборону Лондона и спасу столицу и всю Англию от катастрофы», – заявит он одному из одноклассников. Когда тот уточнит, видит ли Уинстон себя будущим военачальником, как его далекий предок, он ответит: «Не знаю, будущее расплывчато, но главная цель ясна. Повторяю: Лондон будет в опасности и я, занимая высокий пост, спасу нашу столицу, спасу нашу империю!»¹⁶

За всем этим бунтарством и упрямством стояло нечто больше, чем нежелание учиться, трудиться и общаться. И того, и другого, и третьего Черчиллю было не занимать. Только принятые нормы не позволяли ему реализоваться в заданных стандартах, вынуждая его пробираться вперед своим путем, периодически возмущаясь и огрызаясь. Уже тогда он выбрал своим кредо: «Я люблю учиться, но мне неприятно, когда меня учат». Отставая по основной программе, он все-таки смог добиться значительных успехов в учебе. Благодаря педагогическому таланту Роберта Сомервелла (1851–1933) Черчилль полюбил родной язык, признаваясь впоследствии, что в Хэрроу он впитал его в свою «плоть и кровь». «Никогда не мог поверить, что встречу ученика, который в четырнадцать лет будет испытывать такой пиетет перед английским языком», – не скрывая своего удивления, признавал Сомервелл. Именно в Хэрроу Черчилль начал писать, отметившись эссе о Палестине времен Иоанна Крестителя, эссе о мифическом царе Египта Рампсините – одном из героев рассказов Геродота, небольшой пьесой в четырех актах, «остроумными и великолепно написанными» статьями для местной газеты *The Harrovian*, основательным докладом в 30 тысяч слов о военных кампаниях герцога Мальборо, а также эссе о будущем международном конфликте с пугающе точным обозначением даты его начала – 1914 год¹⁷.

Помимо любви к английскому языку, Черчилль также увлекся чтением. Его первой книгой стал «Остров сокровищ», затем он попросил мать купить ему иллюстрированный труд генерала Улисса Гранта (1822–1885) «История Гражданской войны в Америке», следующим на очереди стал роман Генри Райдера Хаггарда (1856–1925) «Копи царя Соломона», который он прочитал двенадцать раз. В Хэрроу Черчилль стал завсегдатаем школьной библиотеки и местного книжного магазина, погрузившись в творчество Уильяма Теккерея (1811–1863), Чарльза

¹⁵ См.: Documents. Vol. 1. P. 168–169, 204, 205, 514, 138, 139; Cowles V. Op. cit. P. 35.

¹⁶ См.: Documents. Vol. 1. P. 234–235, 237; Sandys C. From Winston with Love and Kisses. P. 157; Cowles V. Op. cit. P. 36; Baring M. The Puppet Show of Memory. P. 71; Manchester W. Op. cit. P. 155; Poyz H. Черчилль: бурная жизнь. С. 29; Eade C. (ed.) Churchill by his Contemporaries. P. 2; Gilbert M. In Search of Churchill. P. 214–215.

¹⁷ См.: Hansard. Series 5. Vol. 507. Col. 24; Churchill W. S. My Early Life. P. 17; Montalbo T. Churchill: A Study in Oratory // Finest Hour. № 69. P. 11.

Диккенса (1812–1870) и Уильяма Вордсворта (1770–1850). Он обсуждал с преподавателями форму изложения мыслей и литературные приемы Роберта Льюиса Стивенсона (1850–1894), Джона Рёскина (1819–1900) и кардинала Джона Ньюмана (1801–1890). Он победил в поэтическом конкурсе, процитировав без единой ошибки 1200 строк из «Песен Древнего Рима» Томаса Бабингтона Маколея (1800–1859). Отныне в школьных ведомостях рядом с его именем появится буква (*p*) что означало *prizeman* – призер.

Из других школьных достижений Черчилля выделяется его победа на спортивных состязаниях среди средних школ. Он займет первое место в турнире по фехтованию. Этот успех, как и другие увлечения спортом – плавание, поло и верховая езда – тем более удивительны, что Уинстон не отличался крепким телосложением и здоровьем. Во время учебы у сестер Томсон он едва не скончался от пневмонии. На пике заболевания температура достигла 40,2 °С, и он несколько дней провел в бредовой горячке. Потом у него обнаружили грыжу живота. Учитывая, правда, начальный характер заболевания, лечивший его Уильям Маккормак (1836–1901) посоветовал ограничиться наблюдениями. Операцию сделают только спустя шестьдесят лет в 1947 году. Также Черчилль жаловался на плохое зрение и уже в школе стал носить очки. Гораздо больше проблем, чем грыжа и близорукость, будущему политику доставил кариес. Черчилль будет часто обращаться к услугам стоматолога, уже в Хэрроу лишившись зубов мудрости. Впоследствии, не достигнув и тридцати лет, он распрощается с большинством передних зубов, заменив их протезами. В конце жизни он станет клиентом одного из самых востребованных и признанных стоматологов своего времени сэра Уилфреда Фиша (1894–1974), а протезы ему будет изготавливать зубной техник Дерек Кудлипп.

Несмотря на скромные физические данные своего первенца, лорд Рандольф решил, что дальнейшее будущее Уинстона должно быть связано с военной карьерой. На тот момент этот выбор казался самым приемлемым, как со стороны отца, который здраво рассудил, что среди всех доступных стезей: военного, ученого, финансиста и духовенства первая подходит лучше всего, так и нашего героя, с детства благоволившего соответствующей тематике. Это потом станет понятно, что амбиции Черчилля лежали в отличной от военной области сфере, а пока все остались довольны.

В качестве следующего учебного заведения был выбран Королевский военный колледж Сандхёрст, ведущий свою историю с 1799 года. Черчилль трижды сдавал вступительные экзамены, прежде чем набрал летом 1893 года нужное количество баллов. Да и то, прежде чем предпринять последнюю попытку, родители отправили его к репетитору – капитану инженерных войск Уолтеру Генри Джеймсу (1847–1927), про которого говорили, что его муштра только «круглого идиота» не берет. Уинстон, правда, в свойственной ему манере несколько раз заявил, что зубрежка не для него, но капитан Джеймс нашел подход к трудному ученику и тот все-таки сдал экзамен.

Хотя в этом достижении был привкус горечи. Отец рассчитывал на поступление в пехотный класс, который котиrowался выше и требовал меньше затрат на содержание курсанта. Он также договорился с главнокомандующим британской армией о последующем устройстве сына в 60-й стрелковый (Королевский Его Величества стрелковый корпус). Но его отпрыск не смог набрать нужное количество баллов и поступил в кавалерию, что означало дополнительные расходы на двух строевых лошадей, одного-двух гунтеров и пони для поло. Уинстона в очередной раз подвели математика и латынь¹⁸. Впоследствии, правда, Черчилль будет переведен в пехотный класс, но для лорда Рандольфа неспособность его сына сдать на должном уровне экзамен

¹⁸ По математике из 2000 баллов Черчилль сначала набрал 568, затем – 1063 и в третий раз – 1236. По латыни он набрал на третьем экзамене всего 362 балла из 2000.

лишь укрепила его убеждение в отсутствии у Уинстона каких-либо талантов. «Отныне я не придаю ни малейшего значения твоим знаниям и подвигам», – упрекнет он его¹⁹.

Несмотря на строгий режим и напряженный график, учеба в Сандхёрсте Черчиллю нравилась. Возможно потому, что она была ему интересна и он находил ее в «высшей степени практически направленной». Он наслаждался стрельбой из револьвера и винтовки, с удовольствием занимался верховой ездой, с увлечением постигал азы тактики, фортификации и военного администрирования. Также он значительно расширил свою библиотеку, приобретя «Военные операции» генерал-лейтенанта Эдуарда Брюса Хэмли (1824–1893), «Заметки о пехоте, кавалерии и артиллерии» принца Крафта цу Гогенлоэ-Ингельфингена (1827–1892), «Огневую тактику пехоты» Чарльза Блэра Мейна (1855–1914), а также целый ряд других исторических работ о Гражданской войне в США, Франко-прусской и Русско-турецкой войнах. Черчилль обещал родителям подтянуться в учебе и сдержал слово. После трех семестров обучения он занял 20-е место в общем списке из 130 выпускников.

В декабре 1941 года, когда Франклин Делано Рузвельт (1882–1945) пожалуется британскому премьеру на свое несчастное детство и отсутствие возможности реализовать свои амбиции в Гарварде, Черчилль кивнет и добавит: «Когда я слышу, что кто-то говорит о своем детстве как о самом счастливом периоде жизни, я всегда думаю: “Ну и скучную же жизнь ты прожил, мой друг”». Несмотря на ряд светлых моментов, в целом Черчилль воспринимал свое детство и юношество в мрачных тонах. Оно и неудивительно, если учесть, что в Сент-Джордже его два года пороли с садистским удовлетворением, а в Хэрроу из четырех лет учебы он три года был фагом²⁰ и сверстники обращались к нему лишь когда нужно было заправить постель или почистить обувь²¹. Ситуация несколько изменилась в Сандхёрсте, хотя казарменные ограничения не слишком подходили свободолюбивой натуре внука Леонарда Джерома.

Обучение в Сандхёрсте завершилось в декабре 1894 года. В первой половине следующего года произошло несколько событий, которые ускорили процесс взросления нашего героя. Уход лорда Рандольфа из большой политики совпал с резким ухудшением его здоровья. Из фонтанирующего идеями и остротами политика он превратился в сгорбленного, высохшего старика, который жаловался друзьям: «Я знаю, что хочу сказать, но не могу это произнести». Исследователи расходятся во мнении относительно его болезни. Одни указывают на сифилис, другие – на опухоль мозга. По словам друзей, Черчилль-старший «умирал публично, дюйм за дюймом», его называли «главным плакальщиком на собственных затянувшихся похоронах», а разрушение его личности – «самым трагичным явлением Палаты общин нашего поколения»²². Жизненный путь лорда Рандольфа Черчилля завершился в Лондоне в особняке матери на Гросвенор-сквер 24 января 1895 года. 28-го числа его похоронили на церковном кладбище Блэдон, неподалеку от Бленхеймского дворца, в котором двадцать лет назад родился его сын.

В начале апреля скончалась бабка Черчилля по материнской линии Клара Джером (род. 1825). 3 июля не стало миссис Эверест. Когда Черчилль узнал о ее болезни – обострении перитонита, он привел к ней врача и нанял сиделку. Последние мгновения он провел с ней. «Наблюдать за ее кончиной было ужасно», – признается он леди Рандольф. Его утешало только то, что «она была рада увидеть меня» и «не страдала», «приняв смерть спокойно». «Она прожила невинную, исполненную любви жизнь, служа другим людям и не мучаясь страхами, – напишет он впоследствии. – Она была мне самым дорогим и близким другом на протяжении всех первых двадцати лет моей жизни». Черчилль организовал похороны миссис Эверест на городском

¹⁹ Documents. Vol. 1. P. 391.

²⁰ Фаг (*fag*) – младший ученик в привилегированных частных британских школах, который прислуживает старшеклассникам.

²¹ См.: *Gilbert M. Winston S. Churchill*. Vol. VII. P. 28; *Manchester W.* Op. cit. P. 153.

²² См.: *Mapman P.* Указ. соч. С. 209; *Rosebery A. P. Lord Randolph Churchill*. P. 72, 181; *Manchester W.* Op. cit. P. 184.

кладбище Лондона, а также на протяжении многих лет заказывал у местного флориста Коллинза цветы для могилы.

Оглядываясь на «ужасные потери», которые семья понесла за первые шесть месяцев 1895 года, Черчилль написал своей матери: «Мы все умрем: одни – сегодня, другие – завтра. И так будет продолжаться тысячи лет. История человечества – это повествование о бесчисленных трагедиях, и, возможно, самой прискорбной частью бытия является незначительность человеческого горя»²³.

Философский настрой говорил о том, что юноша повзрослел. Безвременная кончина отца в возрасте 45 лет оказала на него серьезное влияние и определила начало стремительной карьеры. На протяжении какого-то времени Черчилль серьезно будет полагать, что отметка в 46 лет станет роковой и для него, поэтому, если он хочет чего-то достичь – а он хотел – ему следует торопиться. И он устремился вперед со всей неистовостью, энергией, трудолюбием и амбициями, которые уже проявились в нем на тот момент и продолжили определять его поведение и дальше.

---

²³ См.: Documents. Vol. 1. P. 579, 586; Churchill W. S. Op. cit. P. 72–73; Manchester W. Op. cit. P. 215, 216.

Первый успех

Двадцатого февраля 1895 года Черчилль в звании второго лейтенанта был зачислен в 4-й гусарский Собственный Ее Величества полк. Если Хэрроу и Сандхёрст были выбором лорда Рандольфа, то место прохождения службы стало исключительно собственным решением нашего героя. Уинстон должен был начать службу в 60-м стрелковом полку, но из-за своей любви к лошадям, а также считая, что в кавалерии быстрее получить повышение, он не только изменил решению отца, но и смог настоять на своем выборе. За свою долгую и активную жизнь британский политик будет служить в восьми полках: 4-м гусарском, 31-м Пенджабском, 35-м сикхском, 21-м уланском, Южноафриканском легком кавалерийском, Оксфордширском гусарском, Гренадерском гвардейском, Королевском шотландских фузилеров. Однако 4-й гусарский все равно останется самым любимым.

Со свойственным ему нетерпением Черчилль прибыл в казармы до официального начала прохождения службы. Однополчане встретили его хорошо. На следующий 1896 год был запланирован перевод полка в Индию. Для амбициозного второго лейтенанта это была не самая приятная новость. Понимая, что на далеком субконтиненте возможностей отличиться будет немного, он решил не терять время и до переезда в Индию заявить о себе. А как еще это можно сделать военному, если не проявить себя на поле битвы? Только с эпохой жаждущему славу субалтерну не повезло. В тот период преобладал мир. И Черчиллю пришлось потрудиться, чтобы найти место боевых действий. Для поиска приключений он решил отправиться на Кубу, раздираемую партизанской войной местных повстанцев и испанских колонизаторов. Учитывая, что Британия не принимала участия в этом конфликте, то при обычных обстоятельствах попасть гусару Ее Величества на Антильскую жемчужину было невозможно. Но Черчилля знали правильные люди, обратившись к которым он получил официальное задание собрать на Кубе информацию о новом типе пуль и ружей. В устройстве его поездки личное участие приняли британский посол в Испании, глава внешнеполитического ведомства и военный министр Испании, а также главнокомандующий британской армией.

Путь на Кубу лежал через США. 9 ноября 1895 года Черчилль прибыл на родину своей матери, в Нью-Йорк, остановившись в доме ее друга Уильяма Бурка Кокрана (1854–1923). Кокран относился к тому типу людей, которые сделали себя сами. Эмигрировав в семнадцатилетнем возрасте из Ирландии и зарабатывая себе на жизнь уроками по французскому, древнегреческому и латинскому языкам, он смог получить образование и стать успешным адвокатом (среди его клиентов были *American Tobacco Company*, *International Steam Company*, *New York Central Railroad*, а также родоначальник «желтой прессы» и издатель *The World* Джозеф Пулитцер), конгрессменом и выдающимся оратором.

Личность, подобная Кокрану, не могла не произвести на Черчилля впечатление. Своей матери он характеризовал его как «самого интересного человека, которого я когда-либо видел», добавляя при этом, что у него «можно многому научиться». Кокран также смог разглядеть в молодом госте потенциал, отметив «мощь языка и широту взглядов» собеседника. Он с удовольствием согласится передать ему свой опыт по широкому кругу вопросов, став его ментором. Их общение не ограничилось личными беседами. Сохранилась также доверительная переписка, в которой Черчилль делился своими мыслями, замечая, например, что «обязанность правительств в первую очередь быть практичными», а также, что «среди всех талантов самым редким и ценным» является ораторское мастерство. Впоследствии Черчилль будет неоднократно вспоминать Кокрана и воздавать ему должное в своих мемуарах, статьях и речах, процитировав его даже во время знаменитого выступления в Фултоне. На примере ирландца он поймет, как можно дважды менять партийную принадлежность, сохраняя при этом верность своим взглядам. Общение с Кокраном научит его, что в политике, «как и в природе, края и

границы всегда стерты и существует лишь немного линий, которые не смазаны» и которые нельзя переступать²⁴.

Помимо общения с Кокраном Черчилль также проявил интерес к американскому образу жизни. Он признавал, что Нью-Йорк «полон противоречий и контрастов». Зато ему понравились трамваи, которые он назвал «идеальной системой, одинаково доступной богачам и беднякам». Также его поразило, что развитие трамвайной транспортной системы происходило не на средства, полученные после «конфискации собственности» или «деспотичного налогообложения», а в результате «простой деловой инициативы». В отношении американского общества он считал, что в нем превалирует практичность, которая «ставится во главу угла, заменяя романтику и внешнюю привлекательность». Негативное впечатление на него произвела американская пресса, главным свойством которой он считал «вульгарность». Впоследствии он выразит свое отношение к американским СМИ емким высказыванием: «Америка: туалетная бумага – слишком тонкая, а газеты – слишком толстые»²⁵.

Пребывание Черчилля на Кубе было непродолжительным – меньше месяца. Он принял участие в нескольких стычках с кубинцами (сражениями их назвать нельзя), получив боевое крещение в день своего совершеннолетия. В одном из эпизодов пуля пролетела на расстоянии вытянутой руки от нашего героя, убив стоящую рядом лошадь. В другой раз пуля застряла в его соломенной шляпе, которой он укрывал лицо во время сна. «Нет ничего более волнующего, чем когда в тебя стреляют и не попадают», – скажет он через пару лет. Сам Черчилль под пули не лез, но прятаться от них также не стал. Матери он признавался, что в одном из столкновений с партизанами он «оказался в самой опасной части поля боя», где «достаточно наслушался свиста и жужжания пуль». За проявленную смелость испанское правительство наградило молодого искателя приключений медалью *Cruz Rosa* – Красный крест²⁶.

Несмотря на кратковременное пребывание на Кубе, Черчилль увез с острова две привычки, которым сохранит верность до конца своих дней. Первая – курение сигар. Он начал курить еще в школе, однако «гаваны» распробовал лишь на Кубе. В дальнейшем британский политик будет отдавать предпочтение марке *Romeo y Julieta*. «Куба всегда будет на моих губах», – скажет он во время второго посещения острова, которое состоится спустя полвека после первого визита. Вторая привычка – сиеста. По его мнению, природа не планировала «заставлять человечество работать с восьми утра до полуночи» без отдыха. Достаточно всего полчаса дневного сна для «восстановления жизненных сил». Сам он советовал «не перенапрягать организм» и «в интересах дела или удовольствия, как духовного, так и физического, надвое делить дни и занятия». Один из мифов гласит, что британский политик любил понежиться в постели до полудня. На самом деле Черчилль просыпался обычно в 8 часов утра. Первые часы он, действительно, проводил в постели, читая, диктуя, а иногда и проводя совещания. Ложился он после 2 часов ночи, поддерживая работоспособность дневным сном²⁷.

Посещение Кубы также было связано с еще одним важным событием, определившим дальнейшую модель поведения нашего героя. Черчилль стремился занимать активную позицию, заявляя, что «лучше создавать новости, чем принимать их, лучше быть актером, чем критиком». Его поездка не прошла незамеченной. Американские СМИ упражнялись в остроумии и сарказме, задавая риторическим вопросом – что делал британский офицер в этом конфликте? Черчиллю подобной популярности было мало, и он нашел еще одно средство приложения своих талантов. Он решил не только принять участие, но и рассказать о пережитых приключениях, называя публикацию статей «лестницей, которая доступна каждому». «Разме-

²⁴ См.: Documents. Vol. 1. P. 596, 597, 671, 668; Churchill W. S. Philosophers and Friends // Collier's. February 7. 1931. P. 22.

²⁵ См.: Documents. Vol. 1. P. 598–600; Halle K. The Irrepressible Churchill. P. 204.

²⁶ См.: Churchill W. S. The Story of the Malakand Field Force. P. 172; Documents. Vol. 1. P. 603, 618.

²⁷ См.: McGinty S. Churchill's Cigars. P. 136; Черчилль У. С. Вторая мировая война. Т. 1. С. 202; Черчилль У. С. Мои ранние годы. С. 84.

сти хороший материал, – объяснял он, – и со временем люди скажут: мы должны им обладать»²⁸. Перед отъездом на Кубу Черчилль заключил договор с *Daily Graphic*, написав для издания пять статей, которые были встречены более благожелательно, чем его участие в решении испанских колониальных вопросов. Большая часть гонорара – 25 гиней – была потрачена на покупку нескольких книг на аукционе «Сотбис», включая редкое издание нравоучительных басен драматурга Джона Гея (1685–1732).

Так Черчилль сформировал для себя эффективный алгоритм успеха, которым пользовался на протяжении всей жизни: первое – найти увлекательное событие, второе – принять в нем участие, третье – рассказать о произошедшем, поделившись личным опытом, наблюдениями и выводами. Благодаря этому алгоритму одновременно ковалось два звена популярности, которые взаимно усиливали друг друга – действия и описания действия с фиксацией своей роли и своих достижений.

После возвращения на Туманный Альбион Черчилль потратил оставшиеся до отправки в Индию девять месяцев на выход в свет. Другие однополчане проводили время в женском обществе, но он находил девушек «страшными и глупыми», предпочтя использовать выпавшую возможность для прогрева и развития связей, которые перешли ему от родителей. Он общался с будущими премьер-министрами: консерватором Артуром Бальфуrom (1848–1930) и либералом Гербертом Генри Асквитом (1852–1928), а также влиятельными банкирами и финансистами, включая Натана Ротшильда (1840–1915), которого нашел «очень интересным и владеющим информацией». Матери он признается, что «очень высоко оценивает встречи с этими умными людьми», диалоги с которыми «значат для меня очень много»²⁹.

На тот момент Черчилль уже не испытывал иллюзий относительно военной службы, она продолжала ему нравиться, но свое призвание он видел в другом – в политике. Только для начала политической деятельности, участия в выборах и избрания в парламент ему нужны были деньги. В конце своей жизни лорд Рандольф удачно вложился в южноафриканские рудники, однако после его смерти практически все заработанные средства ушли на оплату долгов. Его сыну пришлось самостоятельно зарабатывать себе на жизнь, а учитывая, что до 1911 года члены Палаты общин занимались законотворческой деятельностью на безвозмездной основе, то прежде, чем думать о политической карьере, сначала необходимо было сколотить состояние, которое позволило бы не только оплатить избирательную кампанию, но и не беспокоиться о хлебе насущном первое время.

Средством достижения намеченной цели стал все тот же алгоритм успеха – найти боевые действия, принять в них участие, написать о них репортаж. Первое время фортуна обходила амбициозного субалтерна стороной. Он попытался договориться с *Daily Chronicle*, чтобы попасть специальным корреспондентом на остров Крит, где была замечена повышенная активность. Неудачно. Он захотел присоединиться к военной экспедиции генерал-майора Фредерика Каррингтона (1847–1913) в Матабелеленде (Зимбабве). Снова безрезультатно. Он устремил свой взор на военную кампанию в Судане, которая началась весной 1896 года и была призвана подчинить строптивый регион. Опять провал. Даже влиятельные связи не помогали. Военный министр 5-й маркиз Лансдаун (1845–1927) посоветовал леди Рандольф умерить активность ее сына, который начал своей бесцеремонной жадой отличаться порядком всем надоедать.

После трех неудачных попыток найти себе достойное применение Черчиллю ничего не оставалось, как проследовать вместе с 4-м гусарским полком в Индию, поездку в которую сам

²⁸ См.: Черчилль У. С. Походы британской армии 1897–1900. С. 60; Ohlinger G. A. WSC: A Midnight Interview // *Finest Hour*. № 159. P. 34.

²⁹ См.: Documents. Vol. 1. P. 663–664.

он называл «бесполезной и невыгодной ссылкой»³⁰. 11 сентября 1896 года на борту пассажирского лайнера *Britannia* («Британия») он покинул Саутгемптон и отправился в продолжительное плавание в Индию, Бомбей. Вскоре после приезда гусар в Бомбее началась вспышка чумы, в результате которой половина населения покинула порт, а также практически полностью остановилась торговля. Черчилль чумой не заразится, зато его будет ждать в Бомбее другой неприятный сюрприз. Он так спешил сойти на берег, что в процессе высадки вывихнул себе плечо, полученная травма будет беспокоить его в дальнейшем, доставляя впоследствии массу неудобств. Этот инцидент был показателен не только из-за обычной для Черчилля торопливости, но также из-за неприятностей, в которые он часто попадал. Удачливый в серьезных делах – как то боевые действия или политические бури – ему постоянно не везло в мелочах. Купаясь летом 1893 года в Женевском озере, он буквально чудом не утонул. В декабре 1896 года он травмировал себе колено. Через пару месяцев получил сильный ожог лица в результате длительного нахождения на солнце. В марте ушиб руку, неудачно упав с пони. Затем на стрельбищах попал под обстрел, когда ударившаяся о стальную мишень пуля разорвалась и рикошетом отлетела в его сторону, повредив руку.

Несмотря на эти казусы, служба в Индии, которую Черчилль нес в гарнизоне Бангалора, была скучна и однообразна. Уинстон расположился в просторном бело-розовом бунгало с черепичной крышей и глубокими навесами на гипсовых колоннах, которое делил с двумя однопольчанами. О быте беспокоиться не приходилось. Об этом думали слуги. Впоследствии Черчилль будет материально помогать одному из них вплоть до его кончины в 1959 году. Основное время занимали занятия верховой ездой. Молодой гусар принял участие в скачках, а также увлекся поло, продолжив активно играть и дальше. Однажды он упал с лошади, которая неудачно встала на дыбы как раз в тот момент, когда он, слезая, перекидывал ногу через ее шею. Одному из друзей он признается, что «еще никогда не испытывал такой боли». Не считая этого падения, увлечение поло прошло для политика без лишних травм и позволило спокойно завершить спортивную карьеру в 1927 году.

Помимо верховой езды Черчилль также увлекся разведением роз и лепидоптерофилией. Наблюдая за бабочками, он лишний раз убеждался, что приспособляемость есть основной закон выживания. «Каким образом расцветка защищает бабочку? – рассуждал он. – Отвратительная на вкус бабочка своей броской расцветкой остерегает птицу, чтобы та ее не съела. Сочная, вкусная бабочка спасается тем, что прикидывается сучком или листиком. Они миллионы лет учились этому, а кто не успевал приспособиться – тех поедали, и они исчезали с лица земли». Также, изучая этих насекомых, он отмечал превратности мироздания. «Святость природы исключительно человеческая идея, – делился он своими соображениями с леди Рандольф. – Подумай о красивой бабочке: двенадцать миллионов перьев на ее крыльях, шестнадцать тысяч фасеток в глазу, а размер с клюв птицы. Давай смеяться над судьбой. Это, должно быть, ее развеселит»³¹.

Вспоминая впоследствии службу в Индии, Черчилль писал: «Так бы принцам жить, как жилось нам». Но на момент пребывания в Бангалоре его отношение к своим военным обязанностям было иным. Возможно, служба, действительно, была необременительна. Но разве спокойствия жаждал выпускник Сандхёрста? «Жизнь здесь просто до отупения скучна и неинтересна, а все наслаждения далеко выходят за рамки норм, принятых в Англии, – жаловался он матери. – На каждом шагу тебя подстерегают множество искушений скатиться до животного состояния»³².

³⁰ Documents. Vol. 1. P. 676.

³¹ См.: *Легран Ж., Добсон К.* Уинстон Черчилль. М.: АСТ-ПРЕСС, 1999. С. 53; *Черчилль У. С.* Мои ранние годы. С. 47; Documents. Vol. 2. P. 856.

³² См.: *Черчилль У. С.* Указ. соч. С. 103; Documents. Vol. 2. P. 697–698, 702.

С такой деятельной натурой, какая была у Черчилля, до этого не дойдет. Даже в безмятежных условиях колониальной службы он нашел, как можно использовать свободное время для саморазвития. Обладая огромной самоуверенностью – без чего практически невозможны колоссальные достижения, – Черчилль не был чужд самокритичности. Так, отдавая отчет в наличии у себя хороших когнитивных способностей, быстрого ума, цепкой памяти и таланта к изложению мыслей в письменной форме, он не мог не признать серьезные изъяны в отношении полученного образования. Он даже подумывал поступить в университет, однако перспектива обязательной сдачи на вступительных экзаменах древнегреческого или латинского вынудила его отказаться от этого варианта и выбрать путь автодидакта.

Свое обучение Черчилль начал с «Руководства по политической экономии» Генри Фосетта (1833–1884), которое нашел «чрезвычайно интересным» и «наводящим на размышления». Затем он проштудировал восьмитомную «Историю упадка и разрушения Римской империи» Гиббона, оказавшую сильное влияние на формирование его языка и общее отношение к необратимости исторических процессов, пятитомную «Историю Англии» и восхищавшие его эссе Маколея. Признаваясь матери, что его «литературные вкусы растут день ото дня» и «если бы не утешение литературой», его пребывание в Индии было бы «невыносимым», он прочитал «Письма к провинциалу» Блеза Паскаля (1623–1662), «Мемуары» герцога Луи де Сен-Симона (1675–1755), «Современную науку и современную мысль» Самюэля Лэинга (1812–1897), «Мемуары графа де Рошфора» Гасьена де Куртиля де Сандра (1644–1712), «Политику» Аристотеля (384–322 до н. э.), «Государство» Платона (428/427–348/347 до н. э.), «Исследование о природе и причинах богатства народов» Адама Смита (1723–1790), «Опыт закона о народонаселении» Томаса Мальтуса (1766–1834). Для лучшего понимания политической обстановки Черчилль изучил трехтомную «Конституционную историю Англии» Генри Гэллэма (1777–1859), а также 27 томов ежегодного альманаха *Annual Register*, фиксировавшего политическую активность в Соединенном Королевстве с 1870 года. Рассматривая какой-нибудь вопрос, Черчилль сначала пытался письменно изложить свою точку зрения, а потом смотрел мнение других. Некоторые из его заметок сохранились. В них содержатся не только его взгляды на тот момент, но и представлены более общие рассуждения, которым он останется верен на протяжении всей жизни. Например: «Милитаризм вырождается в жестокость. Лояльность продвигает тиранию и низкопоклонство. Гуманизм становится сентиментальным и нелепым. Патриотизм скрывает ханжество. Империализм утопает в шовинизме»³³.

Черчилль и дальше продолжит активно пополнять свой багаж знаний. За один только февраль 1906 года он купит почти 400 томов художественных и исторических произведений. В следующем месяце он привезет из книжных магазинов еще 130 томов. А еще через месяц к ним добавятся 250 томов. Самостоятельное изучение истории, политэкономии и философии даст неоднозначные результаты. С одной стороны, лишенное системности, оно приведет к появлению в его образовании лакун, которые будут порой изумлять современников. С другой стороны, сталкиваясь с незнакомой темой, Черчилль научился рассчитывать на себя, не боясь изучать, осваивать и формировать свое мнение по неизвестному ранее вопросу. Кроме того, воспитанный на иных принципах работы с материалом, он всегда будет выделяться на фоне вышедших из стен Оксбриджа коллег своей интеллектуальной гибкостью, непредсказуемостью, свободой, воображением и смелостью. Признавая полезность и важность высшей школы, а также испытывая сожаление, что сам он был лишен возможности получить стандартное образование, Черчилль указывал на свойственный университетам изоморфизм с порождением касты одинаково мыслящих выпускников, оперирующих схожими ментальными моделями и педагогическими штампами. Например, тот же Оксфорд, писал он брату в 1898 году, «на протяжении длительного времени является пристанищем фанатизма и нетерпимости, защитив

³³ См.: Documents. Vol. 1. P. 585; Vol. 2. P. 725, 753, 938.

больше мерзких ошибок и отвратительных идей, чем любой общественный институт, за исключением разве что католической церкви»³⁴.

Расширение кругозора было лишь средством достижения цели – успеха в политике. Другим средством стало обретение популярности и финансовой стабильности. Для этого необходимо было вернуться к выработанному алгоритму и, несмотря на постигшие нашего героя неудачи, все-таки отметить в боевых действиях с описанием пережитого опыта. В начале 1897 года больше всего перспектив сулила Суданская кампания. После получения от ворот поворот Черчилль решил попробовать снова. Леди Рандольф связалась с главнокомандующим египетскими войсками (сирдаром) Гербертом Китченером (1850–1916), который дипломатично сообщил об отсутствии свободных мест. Неудовлетворенный очередным отказом, Черчилль взял трехмесячный отпуск и в марте 1897 года направился в Англию за получением необходимого разрешения. Преуспеть в суданском начинании ему вновь не удалось. Зато он выступил с первой политической речью в Бате 26 июля 1897 года.

Также в Лондоне из газет Черчилль узнал, что на северо-западной границе Индии для подавления местных племен патанов сформирована Малакандская армия под командованием генерала сэра Биндона Блада (1842–1940). Он уже встречался с Бладом и тот пообещал ему найти место в случае возобновления боевых действий в приграничных районах. Узнав волнующую новость о Малакандской армии, наш герой тут же телеграфировал генералу. После чего в спешке собрав вещи (забыв при этом некоторые из них), он устремился в Индию навстречу приключениям. Ответ Блада был получен лишь в Бангалоре. Мест не было, но генерал согласился взять назойливого лейтенанта (очередное звание было присвоено Черчиллю в мае 1896 года) корреспондентом с последующим устройством в армейские части. Согласный даже на такие условия, Черчилль взял очередной отпуск и направился на север Индии. Как и в случае с Кубой, пребывание на Малакандском фронте было недолгим. Черчилль принял участие в нескольких сражениях – в Мамундской долине, при Домадоле, Загайи и Агре и вернулся в Бангалор в октябре 1897 года.

Понимал ли он, что в каждом из этих сражений его могли убить? Да, но его это не оставляло. «Пули, да они даже не достойны упоминания, – писал он домой. – Я не верю, что Господь создал столь великую личность, как я, для столь прозаичного конца». А если он ошибался? «Что из того», – отвечал на этот вопрос Черчилль. Неудовлетворенный накалом событий, он сам провоцировал судьбу, гарцуя на своей серой лошади на линии огня. Лишь бы его заметили. Война, которая у современного человека вызывает оторопь и отвращение, на тот момент еще не достигла мрачных глубин, давая повод таким, как Черчилль, воспринимать ее как игру и средство продвижения. Он сам говорил, что «играет по высоким ставкам» и «намерен сыграть эту игру до конца». А если он проиграет, значит, ему «не светило выиграть и все остальное». И ради чего? Ради славы, которая, по его словам, «по-прежнему остается самым важным на свете»³⁵.

В каком-то смысле Черчилль добился желаемого. Его имя появилось в официальных отчетах, а сам он получил «Медаль Индии». Но ему этого было недостаточно. Поэтому, следуя своему алгоритму успеха, он не ограничился одним лишь участием в боевых действиях, а позаботился о том, чтобы поведать всему миру о своих приключениях со страниц газет. Не забываясь по мелочам, леди Рандольф обратилась к главному редактору *The Times*. Несмотря на свою дружбу с Черчиллем-старшим, редактор был вынужден отказать поскольку газета уже направила на северо-западную границу Индии своего корреспондента. В итоге контракт был заключен с *The Daily Telegraph*, для которой Черчилль написал в общей сложности пятна-

³⁴ Цит. по: Roberts A. Winston Churchill and Religion // *Finest Hour*. № 163. P. 52.

³⁵ См.: Documents. Vol. 2. P. 839, 784, 785.

дцать статей. Также удалось договориться с индийской газетой *Allahabad Pioneer* о ежедневной отправке небольших заметок объемом триста слов.

Для большинства публикаций в двух изданиях было бы достаточно. Но уже в молодые годы Черчилль привык выжимать максимум из каждого эпизода своей жизни. Еще находясь на фронте, он решил использовать свои статьи и написать на их основе отдельную книгу – «Историю Малакандской действующей армии: эпизод пограничной войны». Сразу же после возвращения в Бангалор он с головой окунулся в новый проект – активный сбор материалов (воспоминаний старших офицеров и колониальных чиновников, парламентских отчетов) и написание текста. После двух месяцев интенсивной работы по 6–8 часов в сутки Черчилль закончил рукопись. Это была относительно небольшая по меркам нашего героя книга – объемом 85 тысяч слов, которая вышла в марте 1898 года. На тот момент, когда количество издаваемых книг еще не превысило возможностей людей их прочтения, каждая публикация была событием и вызывала неподдельный интерес. С дебютным произведением молодого гусара ознакомились многие представители высшего света, включая премьер-министра и наследника престола. Вряд ли эта работа удостоилась бы внимания столь высокопоставленных персон, если бы ее автор не был сыном леди и лорда Рандольфа (учитывая круг влиятельных друзей и популярность Дженни в свете, ее влияние на восприятие достижений сына к тому времени уже начало преувеличивать над репутационным наследством ее супруга).

У большинства читателей и критиков, в том числе исследователей жизни британского политика, «История» оставила приятные впечатления и вызвала благожелательные отзывы. Причем вполне оправданно. Это, действительно, хорошая книга. Ее нельзя отнести к шедеврам, но она сочетает в себе легкость изложения с глубиной рассматриваемых вопросов, что делает чтение увлекательным, а размышление над содержанием – полезным. Помимо рассыпанных на ее страницах афоризмов автора: «Нельзя восхищаться природой по доверенности»; «Храбрость не только не зависит от профессии, но не зависит и от национальности»; «В спорте, в проявлении смелости и перед Богом все равны»; «Империализм и экономика вступают в противоречие так же часто, как честность и своекорыстие»; «Предусмотрительность поощряет промедление»; «Где нет веры, нет и предательства» и «В любой момент времени любой вопрос проявляется не только вширь, но и вглубь», в «Истории» подняты как минимум три темы, которые красной нитью проходят через все творчество Черчилля³⁶.

Первая тема – война, к которой Черчилль испытывает двойственное отношение, сохранившееся в дальнейшем. С одной стороны – присущие войне азарт, риск, схватка, кризис, возможности проявить себя, были близки его натуре. Он сам с отсылкой на себя писал, что «есть люди, которые испытывают такую же экзальтацию от близости катастрофы и краха, как другие от успеха; которые бесстрашны в поражении еще больше, чем другие во время победы». С другой стороны – его впечатлительную натуру возмущали такие неизбежные спутники войны, как потери, ранения, лишения, разрушения, которые, будучи замешены на жестокости и потере морального контроля, выводят события за грань человеческого. «Я часто задаю себе вопрос – имеют ли британцы хоть малейшее представление о том, какую войну мы здесь ведем? – писал он своей бабке, герцогине Мальборо. – Само слово “пощада” давно забыто. Туземцы жестоко пытаются раненых и безжалостно уродуют тела убитых солдат. Наши солдаты также не щадят никого, будь то невредимый или раненый». Своему сослуживцу он признается, насколько возмутили его действия сикхов, которые бросили раненого пленного в печь для мусора, где тот сгорел заживо. Черчилль не привел эти факты в книге, но и скупиться на демонстрацию военных подробностей также не стал. Например, на страницах «Истории» встречается следующий эпизод описания деревни после сражения: «Восемнадцать раненых лежали в ряд в хижине без крыши; лица, искаженные болью и тревогой, казались мертвенно-бледными в утреннем свете.

³⁶ См.: Churchill W. S. Op. cit. P. 174, 299, 103, 220, 24, 34, 303.

Два офицера, один с раздробленной левой рукой, другой с простреленными ногами, терпеливо ждали, когда с них снимут импровизированные жгуты и хоть немного облегчат страдания. Бригадир в куртке цвета хаки, забрызганной кровью из раны в голове, разговаривал с единственным штабным офицером, в шлеме которого зияла дыра от пули». Без прикрас повествуя о том, что представляет собой война, автор сопровождает текст следующим сардоническим комментарием: «Наиболее страстные поклонники реализма могут быть удовлетворены», намекая тем самым, что даже этих любителей мрачных картин, скорее всего, передернуло бы от увиденного.

Вторая тема – управление. Черчиллю еще только предстоит связать себя с этой сферой человеческой деятельности, но уже в своей первой книге он делает наблюдения, которые помогут ему в дальнейшем. Он указывает на ограниченность человека, отмечая, «насколько мало отдельная личность, несмотря на всю искренность ее мотивов и все величие ее власти, способна на самом деле управлять и контролировать ход дел». В дальнейшем, заявляя, что ему приходилось действовать в мире «ужасных “если”», он будет констатировать, что бывают ситуации, когда «скрепляющие элементы могут лопнуть одномоментно», и тогда любая «политика, какой бы мудрой она ни была, становится тщетной», тогда «ни скипетр, ни гений-избавитель не властны над событиями».

Третья тема – жестокость мироздания и трагичность человеческого бытия. Несмотря на свой оптимизм, Черчилль всегда признавал и часто размышлял о несоответствии возможностей и потребностей, важности случая, а также кровожадности людей и событий. В своем первом произведении он больше акцентировал внимание на последнем моменте, указывая на то, что «должно вызвать сожаление у философов и причинить боль филантропам»: «внимание многих умов направлено на истребление человеческих особей посредством науки». Также отмечая бесчеловечность общественных процессов, он констатирует, что во время боевых действий «люди рассматриваются, как мишени; противники, сражающиеся за свой кров и землю, – как объекты для атаки, а убитые и раненые – просто как военные потери».

Черчиллю было 24 года, когда он завершил свой первый труд. Разумеется, его опыт был насыщеннее и разнообразнее, чем у большинства его сверстников – он видел, как убивают людей, и, судя по его письмам, убивал сам в пылу сражений, но был ли он достаточно зрел для подобных рассуждений и озвучивания их публично? Он считал – вполне, следующим образом отвечая скептикам: «Если написана чушь, то ни возраст, ни опыт не смогут это исправить, а если правильные вещи, то ни в том, ни в другом эта точка зрения не нуждается». В конце концов, делал он заключение, «теорема Евклида не будет менее бесспорна, предложи ее младенец или идиот».

Есть в книге и размышления автора о своем будущем. Отслужив почти полтора года в 4-м гусарском полку, а также приняв участие в двух военных кампаниях, Черчилль все больше признавал ограничения военной службы, которые не устраивали его свободолюбивую натуру. В отличие от той же политической деятельности, где, как он считал, человек с талантом всегда добьется успеха, карьера военного в гораздо большей степени «подвержена внешним влияниям». Для продвижения необходимо рисковать, но этот риск может закончиться фатально. В то время как «государственный деятель, совершив большую ошибку, может все-таки извлечь для себя пользу», «бесстрастная пуля решает все», – констатирует он. Спустя пару лет он добавит: «Пуля чудовищно неразборчива, голова героя и круп лошади имеют одинаковые шансы стать ее жертвой». С участием в Малакандской кампании Черчилль еще больше убедился в том, что карьера военного не для него. Его призвание лежит в иной сфере, на то, чтобы попасть в нее, он отныне и направит свои усилия³⁷.

³⁷ См.: Documents. Vol. 2. P. 810, 788; *Черчилль У. С.* Походы британской армии 1897–1900. С. 82; *Churchill W. S.* Op. cit. P. 200–201, 76–77, 301, 302–303, 246–247; *Черчилль У. С.* Мировой кризис. Ч. I. С. 250; Ч. III. Кн. 2. С. 585; *Churchill W. S.* London to Ladysmith via Pretoria. P. 135.

Искатель приключений

Публикация первой книги открыла перед Черчиллем новые перспективы обретения популярности и финансового благополучия. Нужно было лишь продолжить писать и потом, подобно Бенджамину Дизраэли (1804–1881), ворваться из литературы на политическую арену. Черчилль серьезно рассматривал такой вариант, подумывая над написанием биографии Джузеппе Гарибальди (1807–1882), полагая, что его «удивительная жизнь не имеет достойного описания»; «краткой и драматичной» истории Гражданской войны в США, а также сборника статей³⁸. Остается только гадать, как бы сложилась его жизнь, если бы он в тот момент замкнулся на истории и публицистике. Скорее всего, учитывая его амбиции, энергию и непоседливость, он все равно оказался бы на политической стезе.

Здраво рассудив, что у него нет времени на сбор материала и погружение в новые темы, он решил идти по торной дороге – принять участие в очередной военной кампании и написать о ней статьи, а может быть и книгу. Лучше всего для этой цели подходила Суданская экспедиция генерала Китченера, куда он уже дважды пытался попасть, и оба раза безуспешно. Неудачи Черчилля не смущали, поэтому он решил попробовать в третий раз. Он задействовал старые связи отца, а также обратился за помощью к матери, советуя ей «заходить с нескольких флангов» и ни при каких обстоятельствах «не принимать отказа». «Сегодня век напористых и пробивных, и мы просто обязаны быть самыми находчивыми и предприимчивыми», – писал он ей³⁹. Леди Рандольф старалась, как могла. Она даже съездила в Каир и лично просила Китченера, получив из его уст вежливый отказ. Позиция сирдара имела основания, которые разделяли и другие командующие. Для них было очевидно, что, несмотря на свои таланты, Черчилль не был командным и дисциплинированным игроком. В то время как военные кампании были направлены на решение конкретных внешнеполитических задач, молодой потомок Мальборо руководствовался лишь личными интересами, думая исключительно о своей карьере, пользе и продвижении.

Судя по его мемуарам, он знал о шлейфе недовольства, которое сопровождало его имя, и причинах этого явления. Но, как в те годы, так и в дальнейшем, мнение других его волновало мало. Для него главным была его собственная жизнь. Он считал участие в Суданской войне краеугольным эпизодом своей биографии – именно биографии, которую он создавал с таким трепетом и которая, по его мнению, непременно станет предметом изучения будущих историков. Он даже дал им наставление, процитировав обращение Оливера Кромвеля (1599–1658) к своему портретисту: «Изображайте меня таким, какой я есть»⁴⁰.

На конец лета 1898 года было запланировано наступление на столицу дервишей Хартум. Понимая, что времени остается в обрез, Черчилль взял в июне очередной трехмесячный отпуск и отправился в Лондон для решения вопроса о своем устройстве. Молодой лейтенант предпринял поистине титанические усилия, чтобы оказаться в армии Китченера. Он даже лично встретился с премьер-министром, который согласился помочь, отправив запрос генералу через консула в Египте. Но все впустую. Сирдар отказал им всем, дав понять, что это его армия и ему решать, кто в ней будет служить. В отношении египетских частей – да, но в отношении британского контингента свои полномочия были и у Военного министерства. Именно этим различием в правах и решил воспользоваться один из друзей леди Рандольф – Ивлин Вуд (1838–1919), занимавший на тот момент ответственный пост генерал-адъютанта вооруженных сил. В конце июля в 21-м уланском полку скончался лейтенант П. Чапмен, на образовавшуюся вакансию

---

³⁸ Documents. Vol. 2. P. 922–923.

³⁹ Documents. Vol. 2. P. 855, 874, 856.

⁴⁰ Documents. Vol. 2. P. 907.

военное ведомство предложило кандидатуру Черчилля. Так практически в самый последний момент он запрыгнул в уходящий на войну поезд. Эта поездка была за свой счет. Поэтому руководствуясь известным девизом Наполеона, что «война должна себя сама кормить», он договорился с руководством *Morning Post* присылать им свои очерки по 15 фунтов за колонку.

В предвкушении сражения при Омдурмане, входящего в состав Хартума, Черчилль ждал наград и верил в свою звезду. Он писал матери о своей неуязвимости и считал, что участие в битве – «одной из самых суровых за последнее время» – сделает его «мудрее и сильнее для продолжения игры». Столкновение сил – 26 тыс. англо-египетских войск против 60 тыс. дервишей – состоялось 2 сентября. Во время сражения Китченер бросил 21-й уланский полк в лобовую атаку на Омдурман. Вместе с другими уланами Черчилль вступил в прямой контакт с противником. Позже он вспоминал, что дервиши сражались самоотверженно, «расстреливая наших солдат в упор, закидывая острыми копьями и безжалостно рубя мечами, выпавших из седел, пока те не подавали признаков жизни». Из-за травмы плеча, полученной при высадке в Бомбее, Черчилль использовал вместо палаша десятизарядный маузер. Ловко уклоняясь от ударов противника, он расстрелял две обоймы, убив «определенно трех и двоих вероятней всего». На следующий день после сражения он телеграфировал леди Рандольф: «Все в порядке. Уинстон». По его словам, он вышел из сражения «невредимый умом и телом». Признавая, что кавалерийская атака представляет собой «чудовищную азартную игру, в которой никакие индивидуальные меры предосторожности невозможны», он не без гордости заявлял, что «ни один волосок не упал с моей лошади, ни одна ворсинка не слетела с моего мундира». Не всем так повезло. Каждый четвертый улан получил ранение или был убит⁴¹.

С падением Хартума сопротивление дервишей практически прекратилось. Спустя всего два дня после сражения 21-й уланский полк повернул на север. По дороге в Лондон Черчилль задержался в Каире, где помог своему другу Ричарду Фредерику Молино (1873–1954), пожертвовав часть кожи с внутренней стороны предплечья для пересадки. Когда Молино не станет, Черчилль прокомментирует его кончину следующим образом: «Он забрал мою кожу с собой, неплохой авангард в будущем мире». Спасение боевого товарища было великодушным жестом. Черчилль вообще надеялся, что его участие в сражении при Омдурмане, где он показал себя достойно, будет отмечено должным образом. Но ему лишь вручат Королевскую Суданскую медаль с планкой «Хартум». «У меня было много медалей за приключения и ни одной – за храбрость», – с грустью признается он в конце жизни⁴². Просто у него будет другой путь обретения славы.

Еще во время перехода к Хартуму Черчилль стал размышлять над использованием опыта Малаканда и написания о Суданской кампании отдельной книги. После участия в боевых действиях он еще больше убедился в правильности этого начинания. Работа была начата в Лондоне, где субалтерн остановился на пару месяцев в доме своей матери, и продолжена в Бангалоре, куда он вернулся в конце 1898 года. Сначала основой сюжета предполагалось сделать сражение за столицу дервишей, однако по мере изучения материалов и свидетельств очевидцев автор решил дать полноценное описание всей кампании и рассмотреть не только кульминационный период 1896–1898 годов, но и предшествующие им события: восстание Махди (1844–1885), а также жестокое убийство генерала Чарльза Гордона (1833–1885), направленного для эвакуации осажденных в Хартуме египтян. С расширением периметра повествования изменился формат изложения. В отличие от хорошо знакомого по очеркам с Кубы и предыдущей работе журналистского стиля, автору пришлось попробовать себя в роли историка. С чем Черчилль успешно справился, представив на суд читателей добротное историческое сочинение.

⁴¹ См.: Documents. Vol. 2. P. 969, 978, 973, 974, 980, 981, 970; Churchill W. S. The River War. Vol. II. P. 137.

⁴² См.: Moran C. Op. cit. P. 241; Browne A. M. The Long Sunset. P. 177.

В процессе работы над книгой автор посетил весной 1899 года Каир, побеседовав с некоторыми ключевыми участниками военной кампании, а также показав рукопись генеральному консулу Ивлину Бэрингу 1-му графу Кромеру (1841–1917). Несмотря на скромное название должности, этот человек имел огромную власть, фактически единолично руководя Египтом, который хотя и сохранял де-юре подчинение османскому хедиву, де-факто превратился в британскую колонию, именуемую мягко – протекторат. После побед Китченера *Pax Britannica* распространился на Судан, который формально превратился в англо-египетский кондоминиум, а реально стал очередной колонией Британской империи. Личность лорда Кромера, уверенно и спокойно управлявшего беспокойным регионом, произвела на Черчилля огромное впечатление. Впоследствии он признавался, что общаясь с генеральным консулом (они встречались трижды, и каждый раз их беседа длилась не менее полутора часов), он лишний раз понял значение любимой французской пословицы: «Лишь спокойствие дает власть над душами». Лорд Кромер не только нашел время для предметного обсуждения готовящегося сочинения, но и согласился прочесть готовую на тот момент рукопись, дав при этом ряд ценных замечаний.

После возвращения в Англию Черчилль приступил к переделке произведения по результатам бесед с лордом Кромером и другими участниками событий. Завершающая часть творческого процесса была выполнена в Бленхеймском дворце. «Книга забирает всю мою энергию, все мои силы, и сейчас, когда осталось совсем немного, я сгораю от нетерпения поскорее все завершить», – писал он матери из резиденции Мальборо в августе 1899 года. Позже Черчилль скажет, что на первом этапе процесс создания литературного произведения выглядит как приключение, потом книга становится игрушкой и забавой, затем превращается сначала в любовницу, после чего – в госпожу, пока, наконец, не становится тираном, и когда уже кажется, что она одержала верх, автор «убивает этого монстра и швыряет его пубlike»⁴³. Новое произведение – «Речная война: история завоевания Судана» – Черчилль «прикончил» в конце лета 1899 года. Книга получилась объемной – почти тысяча страниц, 250 тыс. слов. «Речная война» вышла в двух томах издании в ноябре 1899 года. Спустя три года была подготовлена сокращенная однотомная версия. Свой первый монументальный труд Черчилль решил посвятить премьер-министру, предварительно заручившись его поддержкой. Речь шла о Роберте Гаскойн-Сесиле 3-м маркизе Солсбери (1830–1903), том самом, который в 1886 году принял отставку лорда Рандольфа, а спустя 12 лет безуспешно пытался помочь в устройстве его сына в Суданскую кампанию. Несмотря на неприятный эпизод с отцом, Черчилль не питал обиды к пожилому государственному деятелю, всегда демонстрируя ему свое почтение.

Еще со времен школьных заметок для *The Harrovian* Черчилль был знаменит изложением независимой позиции и любовью фиксировать внимание читателей на проблемах, вызванных ошибками вышестоящих лиц. Не ограничиваясь одной лишь критикой, молодой автор также не чурался давать настоятельные рекомендации для исправления ситуации, на что даже его первую книгу злые языки прозвали «Советами младшего офицера генералам». Подобный подход, хотя и позволял выделиться, множил врагов, особенно среди руководящего состава, создавая и укрепляя о нашем герое мнение как о ненадежном человеке. Приступая к работе над «Речной войной», Черчилль не стал менять стиль изложения. «Что может быть восхитительнее правды!» – восклицал он, добавляя, что «для писателя самое главное – быть честным»⁴⁴. О том, что у каждого своя правда, он тактично умалчивал, направив основной залп диатрибы на личность и решения Китченера. За генерала вступился Альберт принц Уэльский (1841–1910)⁴⁵, который посоветовал молодому автору не опускаться до сведения личных счетов и придать работе объективный характер. Черчилль частично внял просьбе наследника престола, но все

⁴³ См.: Documents. Vol. 2. P. 1021; Gilbert M. Op. cit. Vol. VIII. P. 494.

⁴⁴ См.: Documents. Vol. 2. P. 964; Vol. 3. P. XXVI.

⁴⁵ С 1901 года король Соединенного Королевства Великобритании и Ирландии Эдуард VII.

равно в книге осталось много мест, где действия командующего подвергались неприятному разбору и негативной оценке. В одностомном издании 1902 года большая часть критических замечаний будет исключена. Примечательно, что в дальнейшем Черчилль скорректирует свое мнение о военачальнике. После начала Первой мировой войны он будет рекомендовать премьеру назначить Китченера военным министром, и его совет будет принят. Впоследствии он напишет о Китченере несколько статей, в которых выразит искреннее восхищение его выдающимися способностями стратега, администратора и лидера, считая его главной бедой огромный груз ответственности, который он взвалил на себя в один из тяжелейших моментов истории, но не выдержал титанических нагрузок.

В остальном, как и в предыдущей работе, «Речная война» содержит множество авторских мыслей, которые впоследствии войдут в сборники афоризмов, например: «Мне неизвестно, как можно отличить лжепророка от настоящего мессии, кроме как по его успеху»; «Большинство людей делают то, что правильно, или то, что им кажется правильным»; «Что может быть лучше и встречаться реже, чем бескорыстный человек»; «Амбиции возбуждают воображение так же, как воображение – амбиции». Встречаются в книге и типично черчиллевские фразы, передающие его мировоззрение и соответствующие образу лидера времен Второй мировой войны: «Я надеюсь, что когда в нашей стране настанут жуткие времена и когда последняя армия, которую быющая в конвульсиях империя выставит между Лондоном и захватчиками, будет разгромлена и уничтожена, найдутся те, кто не станет мириться с новым порядком вещей и раболепствовать ради выживания после катастрофы».

Одновременно с высказыванием мыслей с афористичной точностью, Черчилль также развивает темы предыдущего сочинения. В части управления он проводит сравнительный анализ лидерского почерка халифов и генерала Гордона. В отношении трагизма бытия замечает, что «все великие движения извращаются и искажаются со временем», а «атмосфера Земли кажется фатальной для благородных стремлений обитающих на ней людей». Так, «симпатия превращается в истерию», «боевой дух – в жестокость», «свобода – в злоупотребления, ограничения – в тиранию», «национальная гордость – в неистовую надменность», «страх перед Господом – в фанатизм и суеверия». Он даже выводит «мрачное правило», согласно которому «все лучшие старания людей, насколько восхитительны ни были бы их ранние достижения, в итоге имеют печальный конец». Касается Черчилль и темы войны. Только если в «Истории Малакандской армии», он хотя и признавал ужасы вотчины Марса и Ареса, но относился к боевым действиям, как к приключению, то в новом сочинении он смещает акценты на мрачные стороны этого явления. Уже в первой главе, сообщая, что книга посвящена «рассказу о кровавых событиях и о войне», он перечисляет реалии военных действий: «капризы фортуны», «битвы, являвшие собой резню», «позорная трусость и безрассудный героизм», «поспешное планирование и медленное исполнение», соседствующие рядом «мудрость и некомпетентность». По его словам, война является «грязным и фальшивым действием, в которое могут играть лишь дураки». Отдельно он указывает на огромное значение технологий, которые в современных войнах становятся важнее личных качеств: «Роль техники настолько велика, что создания из плоти и крови едва ли могут ей что-либо противопоставить, их шансы на победу сводятся к минимуму».

В «Речной войне» появляется также новая тема-лейтмотив – рассуждения о государственном управлении и политическом устройстве. Черчилль выступает против деспотизма, считая, что этот вид власти «не улучшает правителя и не приносит радости подчиненным». В его представлении эта форма правления является разрушающим циклом положительной обратной связи, когда раздражение низших слоев общества постоянно множится, порождая всякий раз новую волну «подозрительности и жестокости со стороны суверена». Также он осуждает военную диктатуру, указывая на неизбежную «плачевность результатов подобного правления». По его словам, «господство армии в политике всегда ведет к централизации капи-

тала, быстрому обеднению провинций, падению уровня жизни и обнищанию населения; торговля и образование не развиваются, морально разлагается и сама армия, спесь и потворство своим слабостям становятся отличительными чертами военных».

Осуждая деспотизм и военную диктатуру, Черчилль выступает на страницах «Речной войны» убежденным империалистом и сторонником колониализма. Задаваясь вопросом о том, что может быть «благороднее и прибыльнее, чем освоение и избавление от варварства плодородных регионов и больших популяций», он считает, что колонизация несет мир племенам, погрязшим в междоусобице; справедливость там, где раньше господствовала жестокость; богатство, свободу, образование и наслаждения там, где раньше были нищета, гнет, безграмотность и мучения. Признает Черчилль и темные стороны колониализма, правда в качестве их причины указывает не сам процесс, а его исполнителей: «жадных торговцев, неуместных миссионеров, амбициозных солдат и лживых спекулянтов». Говорит ли Черчилль о лишении независимости и сокращении прав покоряемых народов – нет, эти последствия он предпочитает не упоминать⁴⁶.

Работа над книгой не смогла полностью поглотить деятельную натуру Черчилля. Заявив своей матери, что он «не имеет права задерживаться на прекрасных просторах развлечений», он решил расстаться с армией и посвятить себя политике. В марте 1899 года он покинул Индию навсегда. В следующем году должны были состояться всеобщие выборы, и Черчилль планировал принять в них участие от города Олдхэм, графство Большой Манчестер. Однако в июне скончался местный депутат и в Олдхэме были досрочно объявлены дополнительные выборы. Он увидел шанс и захотел попытать счастье в избирательной гонке. На тот момент ему исполнилось всего 24 года. Не слишком ли он был молод для политической карьеры? Черчилль считал, что – нет. Разве его отец не стал членом парламента в 25? Амбиции, напор, энергия и самомнение потомка Мальборо не могут не поражать, но только одних этих качеств недостаточно для превращения в государственного деятеля. По сути, у Черчилля не было на тот момент политической программы. Он баллотировался от Консервативной партии и называл себя тори-демократом, прикрываясь общими заявлениями о том, что «главной задачей современного правительства» является «улучшение условий жизни британского народа», и раздавая популистские обещания о том, что в случае его избрания он будет способствовать принятию законов, которые «повысят уровень комфорта и счастья в каждом английском доме». Как именно он собирался исполнять свои обещания, а также каким образом он планирует преодолеть сопротивление влиятельных лиц, чьи интересы задевают иницилируемые им изменения, он не пояснял. Но судя по всему, от него и не ждали этих ответов. Поскольку в целом избиратели его встретили дружелюбно. И хотя он проиграл свой первый забег, отставание было незначительным: 11 477 голосов у Черчилля против 12 770 – прошедшего в Палату общин либерала. Счастливчика звали Уолтер Ренсимен (1870–1949), впоследствии Черчилль будет с ним долгие годы плотно работать в правительстве. В 1938 году Ренсимен примет участие в урегулировании спора между Германией и Чехословакией, поспособствовав заключению одиозного Мюнхенского соглашения⁴⁷.

До следующих выборов оставалось чуть больше года, работа над двухтомником подошла к концу, армейская служба больше не обременяла своими заботами и обязанностями. Другой бы взял паузу и отдохнул, но только не Черчилль. Он снова на всех парах помчался навстречу приключениям. На этот раз – в Южную Африку, где в октябре 1899 года началась Вторая англо-бурская война. Причиной военного конфликта стало открытие в 1886 году на территории бурской Южно-Африканской Республики (Республики Трансвааль) богатейших золотосодержащих месторождений, которые привлекли большое количество иммигрантов (уитлендеров).

⁴⁶ См.: Churchill W. S. Op. cit. Vol. I. P. 56, 94, 26, 44, 57–58, 1, 277, 118, 112, 18–19; Vol. II. P. 162, 143.

⁴⁷ См.: Documents. Vol. 2. P. 1003, 1030.

Уитлендеры, в основном британцы, были ограничены в гражданских правах, что вызвало недовольство в Лондоне. Конфликт начал обостряться, пока в октябре 1899 года бурские войска не вторглись на контролируемые британцами территории – Капскую колонию и колонию Наталь.

Черчилль отправился в Южную Африку в качестве военного корреспондента. Всегда питавший слабость к техническим новинкам, он планировал взять с собой кинокамеру, однако потом решил ограничиться отправкой привычных очерков в *Morning Post*. Вместе с ним освещать события на другом конце света поехали Редьярд Киплинг (1865–1936), Герберт Уэллс (1866–1946), Артур Конан Дойл (1859–1930), а также основоположник жанра «триллер» Эдгар Уоллес (1875–1932). Не считая Уоллеса, все остальные военкоры были старше нашего героя и к началу Англо-бурской войны уже достигли популярности. Но Черчилль превзошел их всех размером своего гонорара: тысяча фунтов за первые четыре месяца и по двести фунтов за каждый следующий месяц, и это не считая оплаты расходов. Столь высокие заработки говорили о популярности автора среди издателей, а также о качестве его материалов и их благоприятном влиянии на тираж. Не обошлось, конечно, без связей. Для получения «пропуска всюду» молодой военкор заручился поддержкой влиятельных лиц в Южной Африке, а также встретился с государственным секретарем по делам колоний (министром по делам колоний) Джозефом Чемберленом. Причем встреча состоялась не в ведомстве, а в доме Чемберлена, где опытный политик поделился прогнозом относительно начавшегося конфликта. Он считал, что война будет кратковременной и победоносной. Война, действительно, закончится для Британии победой, но путь к ней будет гораздо более продолжительным и тернистым, чем рассчитывал министр и большинство британского руководства, разделявшего его мнение.

Черчилль также разделял взгляды Чемберлена. Поэтому он хотел как можно быстрее попасть на войну. В Южную Африку он отправился на корабле королевской почты *Dunottar Castle* («Замок Даноттар»). Вместе с ним на борту плыл главнокомандующий генерал сэр Редверс Буллер (1839–1908), а также корреспондент *Manchester Guardian* Джон Блэк Аткинс (1871–1954). В беседах с Аткинсом Черчилль признается, что боится скорой кончины, поэтому он «должен сделать все, на что способен, до того, как мне исполнится сорок лет»⁴⁸. Следуя своим стремлениям, он захотел попасть в осажденный бурами Ледисмит. Однако, не сумев найти достойного проводника, военкор ограничился участием в разведывательных операциях на бронепоезде неподалеку от Эсткорта. Во время одной из вылазок бронепоезд попал в засаду. Черчилль принял активное участие в расчистке путей, подбадривая своим смелым поведением остальных. Также он убедил машиниста, который получил легкое ранение и хотел скрыться, остаться на боевом посту, заявив ему: «Пойми, в одном сражении пуля никогда не попадет дважды в одну и ту же голову». Из всего состава уцелел только паровоз. Всем места в нем не хватило, поэтому часть солдат побежала рядом с паровозом, укрываясь за его корпусом от обстрела противника. На одном из участков пути паровоз ушел вперед и солдаты отстали. Решив их подождать, Черчилль слез с паровоза. Пока он ждал отстающих, перед ним появилось двое буров. Черчилль хотел начать отстреливаться, но потянувшись к кобуре, обнаружил, что забыл свой маузер в вагоне машиниста. Побежав, он услышал, как вслед раздалось поочередно шесть выстрелов. Одна из пуль задела его, поцарапав руку. Понимая, что дальше так бежать небезопасно, он метнулся в сторону одного из холмов, надеясь найти там укрытие. Взобравшись по гребню, Черчилль выбежал как раз на неприятельского всадника. Соппротивление было бесполезно. Подняв руки вверх, наш герой закричал: «Сдаюсь!»

Черчилль готовил себя к славному и великому будущему, а вместо этого попал в плен! Его этапировали в Преторию, в государственную образцовую школу, временно приспособленную под тюрьму. Позже Черчилль скажет, что дни, проведенные в плену, стали «одними из самых монотонных и несчастных» в его жизни. В плену он встретил свое 25-летие, написав

⁴⁸ Цит. по: Bonham Carter V. Winston Churchill as I knew Him. P. 53.

Кокрану: «Даже страшно подумать, как мало времени остается!» Черчилль все делал быстро, и находиться долго под охраной он также не собирался. Вместе с другими пленными он стал разрабатывать план побега, который не отличался оригинальностью, но манил своей простотой, сводясь к тому, чтобы в удобный момент перелезть через стену. Перед тем, как покинуть свое пристанище, он оставил директору тюрьмы письмо, в котором отметил, что находит его отношение к военнопленным «корректным и гуманным», а также благодарил его за «доброе отношение к моей персоне». Буры не оценили проявленной галантности, объявив за дерзкого англичанина награду в 25 фунтов – «живого или мертвого». Побег Черчилля породил целую серию небылиц, одна из которых заключалась в том, что он бежал, переодевшись в женское платье. Видимо уже тогда сложилось устойчивое мнение, что политики могут бежать только в дамском костюме. Хотя Черчилль тогда еще не был политиком⁴⁹.

Так получилось, что из всех планировавших побег совершить его удалось только прыткому военному. Весь его провиант ограничился четырьмя плитками шоколада, а вся остальная еда с картой и компасом остались у товарищей за стеной. Учитывая, что до ближайших британских частей было несколько сотен километров, то сбежать из тюрьмы было лишь частью спасения, причем не самой сложной. Гораздо труднее было добраться до своих, перемещаясь по вражеской территории, на которой было разослано свыше трех тысяч ориентировок с подробным описанием внешности и фотографиями беглеца. В том, что произошло дальше, не обошлось без знаменитой черчиллевской удачи. У него был всего один шанс обойти все кордоны, и он его использовал. Покинув незамеченным Преторию, Черчилль забрался в один из товарников, где провел ночь. Ранним утром он покинул поезд и, прячась, пока не стемнело, продолжил пешее движение ночью. После тридцати часов скитаний, голодный и изможденный, он увидел огни жилого дома. Обращаться за помощью было опасно. Но идти дальше уже не было сил. Черчилль решил рискнуть и постучал в дверь. Соврав о себе, он быстро был выведен хозяином на чистую воду. После этого его должны были арестовать, но нет. Нашему герою вновь повезло. Дом, куда он обратился за помощью, был единственным в радиусе тридцати километров, где проживала пробритански настроенная семья. Они несколько дней прятали Черчилля в заброшенных шахтах, после чего переправили его в одном из товарных вагонов на португальскую территорию. Добравшись до порта Лоренсу-Маркиш, Черчилль сел на пароход и 23 декабря прибыл в контролируемый британцами Дурбан. Его встречали как национального героя. Побег и возвращение Черчилля прозвучали еще громче, поскольку произошли в период так называемой «черной недели», во время которой британцы потерпели подряд три поражения: при Стормберге, Магерсфонтейне и Коленсо.

Популярность Черчилля увеличилась в разы. Понимая, что нужно пользоваться моментом, он лично встретился с Буллером и попросил назначения в армию. Беспардонность этой просьбы заключалась в том, что после Суданской кампании именно из-за критических публикаций Черчилля военное ведомство запретило офицерам сотрудничать с прессой. И теперь получалось, что не желающий прерывать своих отношений с *Morning Post* Черчилль просил об исключении в правиле, которое и появилось из-за него. Буллер наверняка оценил энтузиазм собеседника, однако не стал ему ставить палки в колеса, устроив его в Южноафриканской легкой кавалерийский полк.

Черчилль был счастлив. Возможно даже, это был один из самых счастливых периодов его жизни. Был этот период также и одним из самых опасных. За четыре месяца наш герой принял участие в сорока боях и стычках. В сражении за высоту Спайон-Коп в январе 1900 года во время неудачной попытки деблокирования Ледисмита, когда армия Буллера потеряла 1733 человека убитыми, ранеными и попавшими в плен, Черчилль все пять дней боев находился под огнем.

⁴⁹ См.: Churchill W. S. My Early Life. P. 243–244; Churchill W. S. London to Ladysmith via Pretoria. P. 94–95; Documents. Vol. 2. P. 1084, 1085.

Самым серьезным его увечьем было срезанное пулей перо на шляпе. Не пройдет и месяца, как в другом сражении рядом с ним разорвется шрапнель, убившая и ранившая восемь человек. Черчилля даже не поцарапает. В конце апреля он едва не погиб (или снова не оказался в плену) во время разведывательной операции около Девецдорпа. Едва он спешил, чтобы сделать проход в проволочной изгороди, на него напали буры. Он попытался вскочить на коня, но неудачно. Конь вырвался и поскакал прочь. Черчилль принялся бежать, но от пуль не убежишь. Трудно сказать, насколько долго он сумел бы пробежать, если бы не появившийся рядом с ним верхом один из разведчиков. Черчилль вскочил на коня сзади и вместе со своим спасителем помчался в безопасное место. Когда они завернули за холм, он с облегчением вздохнул, поняв, что «вновь выкинул две шестерки». «Не думаю, что я когда-либо находился в столь опасной ситуации», – признается он своей матери. Впоследствии, занимая ответственные посты в правительстве, он позаботится, чтобы спасший его всадник – его звали Клемент Робертс – был награжден медалью «За безупречную службу». Когда в 1928 году Робертса не станет, Черчилль направит супруге покойного утешительное письмо и окажет финансовую помощь⁵⁰.

Так же как сначала на Северо-западной границе Индии, а затем в Судане Черчилль демонстрировал пренебрежение к опасностям, словно играя с судьбой в опасную игру, будучи при этом уверен в своей неуязвимости. «Я крепко верю в то, что необходим, и поэтому буду сохранен», – убеждал он близких. Когда его стали просить умерить свою страсть к приключениям, он заявил, что его «нервная система еще никогда не находилась в таком хорошем состоянии». «Я думаю, что пули с каждым днем беспокоят меня все меньше и меньше», – утверждал он в конце февраля 1900 года. «Я прекрасно себя чувствую: мои нервы, мое здоровье и мой дух еще никогда не находились в лучшей форме», – писал он своей тетке в середине мая. Зачем ему было нужно подвергать себя такой опасности? Судя по заметкам в *Morning Post* – для более полного наслаждения жизнью. «Никогда так не ценишь жизнь, как в момент опасности», – объяснял он. Возможно, страсть к приключениям, действительно, обладала для него сильным тонизирующим эффектом. Но не только она одна. Куда больше его подгоняли амбиции. Черчилль понимал, что только на передовой он может обрести опыт и получить факты, отражение которых в его статьях значительно повысит их ценность, а значит, и популярность автора. Это был рискованный путь. Например, брат Черчилля получил ранение в первом же бою, став по иронии судьбы одним из первых пациентов передвижного лазарета леди Рандольф, которой она лично организовала на собранные в рамках благотворительности средства. К счастью, ранение оказалось легким. Черчилль назовет ранение Джека «странным капризом фортуны». «Возможно, он просто заплатил долги брата», – прокомментирует Джон Аткинс.

Англо-бурская война значительно превосходила Суданскую кампанию своей жестокостью и количеством потерь. Буры не уступали дервишам в решительности, зато превосходили их в вооружении. В Южной Африке не просто полыхала локальная война, происходило нечто большее – смена эпох, войны прошлого века с их плюмажами, шеренгами, штыками и саблями уходили в прошлое, на смену им приходили бездушные пистолеты, винтовки и пулеметы. Черчилль одним из первых обратит внимание на произошедшую метаморфозу, убеждая своих читателей, что в нынешних условиях не человек должен служить оружию, а оружие – человеку. Когда «война превратилась в сплошные потери, патроны являются самой дешевой позицией в счете». Не жалейте оружия и боеприпасы, жалейте человеческие жизни – с таким призывом обратился он к читателям и руководству⁵¹.

О том, что продвижение значило для Черчилля больше, чем приключения, наглядно видно из его дальнейшего поведения. Он не стал испытывать судьбу, принимая участие в сра-

⁵⁰ См.: Черчилль У. С. Мои ранние годы. С. 335–338; Documents. Vol. 2. P. 1172; Vol. 11. P. 1234.

⁵¹ См.: Documents. Vol. 2. P. 1147, 1152, 1177, 1151; Churchill W. S. Op. cit. P. 339, 374, 24; Atkins J. B. Relief of Ladysmith. P. 270.

жениях до тех пор, пока не будет достигнута окончательная победа. Он прослужил в армии до промежуточного итога, после чего вернулся в Англию пожинать плоды своей популярности. Заключительным эпизодом его участия в войне стал захват в июне 1900 года Претории. Черчилль одним из первых вошел в столицу Трансвааля, не без гордости освободив пленных из Государственной образцовой школы и подняв на флагштоке «Юнион Джек» – первый за последние 12 лет с момента начала Первой англо-бурской войны. Уже через месяц он вернулся в Англию. Отплывая 7 июля из Кейптауна на все том же *Dunottar Castle*, Черчилль прощался с Южной Африкой навсегда. Впереди его ждало большое будущее. Но об этом он еще не знал, хотя и был в этом уверен. Так же он не знал о том, что ему еще предстоит оказаться на фронте, но из всех войн, на полях которых он будет непосредственно сражаться, на Англо-бурской войне он пробыл дольше всего.

Понимая, что успех надо развивать, Черчилль решил опубликовать об Англо-бурской войне книгу. Он даже задумался о пьесе, но отказался от этой идеи. Да и на книгу он не стал тратить много времени. В отличие от «Речной войны», в этот раз он решил не описывать историю конфликта, просто собрав свои корреспонденции для *Morning Post*. Материалов оказалось так много, что их пришлось разбить на два фолианта. Первый – «От Лондона до Ледисмита через Преторию» вышел в мае 1900 года, когда автор еще сражался на войне. Второй – «Поход Йена Гамильтона» поступил в продажу в октябре. Книги пользовались популярностью и даже переиздавались, принося автору неплохой доход. Скомпилированные на скорую руку, они легко читаются, но уступают своим предшественникам. Если они и остались в истории, то благодаря последующим достижениям их автора, а также некоторым афоризмам. Например, «Нелегко умирать, когда смерть близка»; «Насколько мало людей достаточно сильны, чтобы противостоять мнению большинства»; «Когда исчезает надежда, исчезает и страх»; «Новые обстоятельства требуют и новых планов»; «Если представление обещает быть успешным, нужно класть голову в пасть льва»; «Просто удивительно, насколько хорошо люди умеют хранить секреты, о которых им ничего не известно»; «Во время шторма следует доверять человеку у штурвала»; «Успех достигается не благодаря правилам, а вопреки им»⁵².

На 1900 год пришлось еще одно литературное событие в жизни Черчилля. Пока он сражался в Южной Африке, в начале февраля вышел его роман «Саврола» (объем 70 тысяч слов). Для нашего героя это было первое произведение в таком жанре. Оно же окажется и последним. Черчилль начал работу над романом летом 1897 года, еще до поездки в Малаканд. Однако работа постоянно откладывалась и прерывалась. Черчилль считал, что этот роман, который, по его словам, был «полон диких приключений и атеистических рассуждений», будет «привлекателен для всех: от ценителей философии до любителей кровавых сцен». Он ошибся. «Саврола» – слабое произведение с банальным сюжетом, неубедительными диалогами (особенно любовными), предсказуемой сюжетной линией и прямыми дугами развития персонажей. Неудивительно, что сам Черчилль по прошествии лет не советовал друзьям читать этот опус.

Несмотря на строгость оценки автора и объективные недостатки самого текста, всем, кто увлекается биографией британского политика, этот роман будет интересен. Хотя бы даже потому, что в нем раскрывается внутренний мир человека, который готовил себя к великим свершениям и добился их. Черчилль позиционировал протагониста, как свое *alter ego*, заявляя, что «в уста героя вложена вся моя философия». Его, действительно, очень многое объединяет с Савролой – прирожденное лидерство, пренебрежение опасностями, романтизм и неопытность в отношениях с женщинами, одинаковый круг чтения, понимание ценности слова и умение его использовать для оказания влияния. Несмотря на явные сходства, у автора и его главного героя есть серьезное отличие. В период работы над романом Черчилль увлекся философией, поддавшись флюидам обреченности и пессимизма. «Смерти подвластны все – и

⁵² См.: Churchill W. S. Op. cit. P. 105, 171, 188, 192, 339, 386; Churchill W. S. Ian Hamilton's March. P. 4, 24, 123.

победители, и побежденные, – говорит Саврола. – Угаснет огонь жизни, и животворный дух иссякнет. Вселенная гибнет и погружается в холодный мрак полного небытия». «Совершенное развитие жизни закончится смертью, – вторит ему автор, – вся Солнечная система, вся Вселенная однажды станут холодными и безжизненными, словно угасший фейерверк»⁵³.

Проникнувшись подобными рассуждениями, начинаешь ценить созерцание вместо действия. Осознание напрасности стремлений и бесполезности изменений обездвиживает. Поэтому шумихе общества Саврола предпочитает уединение и наблюдение за небесными телами в собственной маленькой обсерватории, а борьбе за власть и реализации тщеславных планов – личное счастье с любимым человеком. Правильнее говорить, что Саврола не *alter ego* Черчилля, он тот, кем Черчилль мог бы стать при определенном стечении обстоятельств. Но не стал. В отпрыске лорда Рандольфа было слишком много энергии, жизни, авантюризма и культа действия, чтобы раствориться в пассивности и рефлексии. В нем навсегда сохранится любовь к размышлениям с периодическим спуском к мрачным водам беспросветности бытия, но в нем слишком много было оптимизма и созидательного начала, чтобы задерживаться на этих берегах продолжительное время.

Стоит ли после этого удивляться, что, не успев 20 июля 1900 года сойти с борта корабля, Черчилль тут же окунулся в горнило политической борьбы. Осенью должны были пройти всеобщие выборы, поэтому следовало торопиться, чтобы попасть в парламент. Черчилль решил снова баллотироваться от Олдхэма. Он был знаменит. О нем писали газеты и журналы, его речи цитировала *The Times*, в его поддержку перед избирателями выступил Дж. Чемберлен. С точки зрения его политической программы за прошедший год мало что изменилось. Все так же красиво звучащие слова без предложения конкретного плана действий по улучшению ситуации. Но для избирателей, похоже, это вновь было не важно. Не без влияния военных приключений молодого кандидата они согласились дать ему возможность представлять их интересы в парламенте. Хотя борьба была напряженная. Проигравший на этот раз Ренсимен уступил нашему герою всего 222 голоса, набрав 12 709 против 12 931.

В октябре 1900 года Черчилль стал членом Палаты общин. Фактически с этого момента берет начало его политическая карьера. До открытия новой сессии оставалось два месяца, которые можно было использовать для отдыха и подготовки. Большинство так бы и поступило. Но у Черчилля был свой путь. Понимая, что для обретения независимости и противостояния искушениям в политической деятельности ему нужен капитал, он решил использовать свою популярность и заработать дополнительные средства. Книги и так приносили неплохой доход. Поэтому он обратился к лекциям, поведав о своем опыте, а также рассказав о своем видении текущей военной и политической ситуации. Для привлечения как можно больше аудитории он задействовал свои связи и обеспечил присутствие на лекциях известных персон. Так, во время первого выступления в Лондоне его представлял главнокомандующий британской армией фельдмаршал Гарнет Уолси 1-й виконт Уолсли (1833–1913), в Эдинбурге – бывший премьер-министр Арчибалд Примроуз 5-й граф Розбери (1847–1929), в Бирмингеме – парламентский секретарь Совета торговли Уильям Уорд 2-й граф Дадли (1867–1932), в Ливерпуле – экс-министр Фредерик Стэнли 16-й граф Дерби (1841–1908), в Белфасте – бывший вице-король Индии Фредерик Гамильтон-Темпл-Блэквуд 1-й маркиз Дафферин и Ава (1826–1902), в Дублине – лорд-канцлер Ирландии Эдуард Гибсон 1-й барон Эшборн (1837–1913). Лекционный тур прошел с 30 октября по 30 ноября. В среднем Черчилль получал за выступление 130 фунтов, заработав за месяц приличную сумму – 3800 фунтов.

Третьего декабря открылась новая сессия в парламенте. Черчилля на ней не было. Он продолжил заработки, отправившись 1-го числа в США. В Новом Свете он встретился с губернатором Нью-Йорка, будущим 26-м президентом Соединенных Штатов Теодором Рузвельтом

⁵³ См.: Documents. Vol. 2. P. 924, 884; Черчилль У. С. Указ. соч. С. 153; Черчилль У. С. Саврола. С. 82, 35.

(1858–1919), произведя на него неблагоприятное впечатление, а также несколько раз померился в интеллектуальном поединке с Марком Твенем (1835–1910). Расстались они дружелюбно. Писатель подарил ему двадцатитомное собрание своих сочинений, оставив на первом томе памятную надпись: «Творить добро – благородно, учить других творить добро – еще благородней и менее хлопотно». Во время выступления в Мичиганском университете Черчилль дал интервью репортеру местного журнала, в котором помимо военных рассказов также поделился своим отношением к журналистике. Помимо важности проверки цитат и активного использования синтеза – «Чем больше объединяешь, тем более качественный продукт получишь», он также предупредил об опасности погони за сенсациями. Вместо поиска жареных фактов, «каждое стремление журналистов должно быть направлено на грамотное изложение мыслей на чистом» языке, который, по его мнению, в последнее время засоряется ненужными словами и утрачивает целостность⁵⁴. Несмотря на ряд приятных встреч и увлекательных бесед, в целом американский тур оказался неудачным. И хотя Черчиллю удалось заработать вполне солидную сумму – 1600 фунтов (для сравнения – лекционный тур Оскара Уайльда в США принес драматургу всего 1178 фунтов), по сравнению с выступлениями на Туманном Альбионе результат разочаровывал. Отчасти это было связано с работой импресарио – майора Джеймса Понда (1838–1903), с которым Черчилль даже вступил в конфликт, ругая его за выбор неудачных площадок и обвиняя в несправедливом распределении доходов. Отчасти – с общими настроениями, превалировавшими в США. Американцы больше сочувствовали бурам, чем имперским амбициям британцев.

Для Черчилля период двух лекционных туров выдался насыщенным – на протяжении трех месяцев он почти ежедневно выступал в новом месте, постоянно переезжая и практически не ночуя две ночи в одной постели. Но затраченные усилия не прошли даром. В целом за свои книги, статьи и лекции молодому искателю приключений удалось заработать 10 тыс. фунтов, что соответствовало четырем годовым окладам младшего министра Кабинета. Черчилль передал свой капитал другу отца банкиру Эрнесту Джозефу Касселю (1852–1921), процитировав Священное Писание: «Паси моих овец»⁵⁵. Какое-то время он мог не думать о деньгах, полностью посвятив себя политике. 22 января, когда Черчилль находился в канадском городе Виннипег, в поместье Осборн на острове Уайт скончалась королева Соединенного Королевства Великобритании и Ирландии и императрица Индии Виктория (род. 1819). Спокойно и тихо одна эпоха передала эстафету другой. Мир вступил в новый век. Выступив 31-го числа с заключительной лекцией в нью-йоркском Карнеги-холле, Черчилль сел 2 февраля на пароход *Etruria* («Этрурия») и направился в сторону Англии, где его ждали новый мир и возможности.

⁵⁴ См.: Churchill W. S. Success in Journalism // Finest Hour. № 159. P. 32; Ohlinger G. A. Op. cit. P. 34, 35.

⁵⁵ Ин. 21:16, 17.

По стопам отца

В День святого Валентина – первый в новом XX веке – британский парламент возобновил работу после кончины монарха и восшествия на престол Эдуарда VII. Черчилль выбрал место в Палате общин, которое шесть лет назад занимал его отец. Несмотря на свою молодость – 26 лет, у него уже были популярность, достижения и признание. Был у него и опыт публичной деятельности, а также общения со старшими по возрасту и положению джентльменами. Несмотря на приобретенные навыки, он оказался в начале политической карьеры в незнакомой среде. Его окружали люди, которые по своему кругозору, проницательности, изворотливости и хитрости на порядок превосходили всех, с кем ему приходилось иметь дело до этого. Да и проблемы, в решении которых он планировал принять участие, по своей сложности, неоднозначности и непредсказуемости последствий не имели ничего общего с тем кругом вопросов, которые занимали его раньше. Что Черчилль с его молодостью и неопытностью мог противопоставить столь враждебным условиям?

В его арсенале было три орудия, которые сделают его знаменитым. Первое – амбиции. Другой бы осторожно осмотрелся, нашел бы для себя комфортное место и закрепился бы на нем. Но Черчилль хотел добиться оглушительного успеха и добиться его как можно раньше. В 1880 году после общения с Розбери его коллега Чарльз Дилк (1843–1911) записал в дневнике: «Я пришел к заключению, что Розбери – самый амбициозный человек, которого я когда-либо встречал». Перечитывая эти строки спустя годы, он сделает на полях заметку: «До тех пор, пока не познакомился с Уинстоном Черчиллем». Сам термин «амбиции» имеет негативную коннотацию, а демонстрация их в обществе – не приветствуется. Но Черчилль не скрывал своего естества. «Амбиции – моя единственная опора», – писал он матери в январе 1899 года. «Амбиции – главная движущая сила», – утверждал он в «Савроле»⁵⁶.

Второе преимущество Черчилля – его поглощенность и увлеченность работой. Он был настоящим трудоголиком и не стеснялся этого, неоднократно заявляя, что «ни один человек не имеет права на лень» и «ни один день не может быть потерян». Даже в дороге или на отдыхе Черчилль всегда был чем-то занят – что-то читал, писал, обдумывал текст очередного выступления, статьи или меморандума. Отправляясь куда-то, он неизменно брал с собой металлические ящики с документами, книгами и письменными принадлежностями и продолжал работу даже в поезде. Его съемная квартира на Маунт-стрит, 105, которую он арендовал после возвращения из Южной Африки и в которой провел следующие пять лет, была завалена книгами. Книги были везде – даже в ванной комнате. Одни смеялись, что «Уинстон буквально спит с энциклопедиями». Другие удивлялись, когда вообще он «отдыхает или спит»⁵⁷.

Третье, что отличало молодого депутата – ораторское мастерство. В отличие от большинства политиков, он никогда не обращался к услугам спичрайтеров, сам готовя тексты своих речей. Черчилль очень ценил этот талант, считая его одним из самых важных в своем патронате. Когда ему было 22 года, он написал эссе «Леса риторики», в котором отметил, что обладатели этого таланта представляют «независимую силу» и обладают властью больше, чем у могущественного короля. «Его может бросить партия, предать друзья, он может лишиться должностей – но при всем при этом его власть будет значительна», – утверждал Черчилль, который сам пройдет через все это и в карьере которого будут периоды, когда его единственным союзником будет слово – устное и письменное.

---

⁵⁶ См.: Churchill R. S. Op. cit. P. 53, 441; Churchill W. S. Savrola. P. 42.

⁵⁷ См.: Sandys C. Chasing Churchill. P. 71; Langworth R. M. (ed.). Churchill by Himself. P. 27; Manchester W. Op. cit. P. 376, 375; Smalley G. W. Op. cit. P. 92–93.

Принято считать, что ораторское мастерство основано на харизме и относится к прирожденным качествам. Но пример с Черчиллем показывает, что успех публичных выступлений определяют упорство, труд, подготовка и практика. Еще в «Савроле» он отмечал, что «удачные экспромты ораторов существуют лишь в воображении публики, в то время как цветы риторики – тепличные растения»⁵⁸. Но дело не только в запоминающихся фразах и оборотах, некоторые из которых политик отбирал и собирал по несколько лет. Сама подготовка к выступлению требовала значительных усилий. Сначала Черчилль самым тщательным образом изучал предмет, читая книги, статьи, документы, а также консультируясь со специалистами. Затем он писал текст, оттачивая каждую фразу. После этого он репетировал само выступление, обычно перед зеркалом или принимая ванну, заучивая текст наизусть. Однажды во время одного из выступлений в Палате общин (апрель 1904 года) он запнулся и не смог вспомнить продолжения, вынужденный с конфузом сесть на место. Чтобы впредь избежать подобное унижение, отныне он всегда имел при себе распечатанный вариант. Столь тщательная подготовка и зубрежка речей наизусть определяли стиль Черчилля-оратора и ограничивали его в дискуссиях, в которых он уступал более раскованным и умеющим импровизировать коллегам. Зато он превосходил их качеством своих текстов, которые и сегодня читаются с интересом.

Все перечисленные три момента – амбициозность, трудоголизм и ораторское мастерство – повлияли на первый шаг Черчилля в Палате общин. Обычно новичкам требуется несколько недель, а то и месяцев, чтобы освоиться и выступить с первой речью. Нашему герою хватило четырех дней. Он взял слово уже 18 февраля, выступив с довольно большой для первого раза речью в 3200 слов. Черчилль говорил об Англо-бурской войне, задев многих однопартийцев фразой: «Если бы я был буром, я бы сражался на поле боя». «Вот так и выбрасываются на ветер парламентские места», – прошептал на ухо своему соседу Джозеф Чемберлен, когда Черчилль сел на место. В отличие от Чемберлена выступление начинающего депутата в целом было встречено благожелательно. О нем написало двадцать изданий, подчеркнув, что молодой политик «обладает интеллектом, имеет собственную точку зрения, а также умеет думать»⁵⁹

---

⁵⁸ Documents. Vol. 2. P. 816; *Churchill W. S. Op. cit.* P. 88.

⁵⁹ См.: Hansard. Series 4. Vol. 89. Col. 407; *Churchill W. S. My Early Life.* P. 361; Documents. Vol. 3. P. 9–21.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.